

НЕНУЖНЫЕ СТРАХИ

Занятная обыденность: везде и всюду люди пугают друг друга страшными волками, хотя никто и никогда живого волка сроду не видал. И не водятся они в современных городах, а всё одно: «не ходи туда, не суйся сюда, там волки живут со страшными мордами...» Даже вон в тихой и ласковой детской колыбельной песенке слова есть такие нежные: «Баю-баюшки баю, не ложися на краю, придёт серенький волчок и утащит за бочок под ракиновый кусток...»

Вред от этой колыбельной песенки двойной: во-первых: дитё малое учится с первых мгновений познания мира тому, что по ночам к нему, мирно спящему, может ни с того ни с сего подкрасться серый зверюга, тяпнуть за расслабленный и тёпленький бок и уволочь в тёмный лес. Согласитесь: перспектива у ребёнка провести ночь в сладком сне как-то автоматически улетучивается. Какой тут здоровый сон, когда сожрать во сне

могут? Во-вторых, такие колыбельные песни не зарождают в ребёнке сильной любви к животному миру, а уж к волкам — тем более.

В целом, мы видим: с самого детства литература и вся культурная традиция народа не создают сколько-нибудь положительного восприятия образа дикого обитателя леса — волка. Совсем даже наоборот — всей нашей литературой, всем устным народным творчеством мы укрепляемся в мысли: волчье племя — враждебно по отношению к человеку.

Вероятно, изначально, в стародавние времена, когда люди не обладали таким совершенным охотничьим оружием как сейчас, волчьи стаи настолько были самовластны в лесу и сильны, что составляли серьёзную конкуренцию человеку. Волки могли тогда свободно подкрауливать и нападать на слабых людей, на детей и стариков. Вероятно, в те времена человек сам мог являть-

Павел Григорьевич Кренёв — заместитель председателя Союза писателей России, кандидат юридических наук, лауреат многих литературных премий, в том числе Патриаршей литературной премии имени С.Ф. Аксакова (2020), автор более 20 книг переведенных на польский, болгарский, французский, китайский и турецкий языки. Живёт в Москве.

ся охотничьим трофеем для серых хищников. Вот с тех давних пор и живёт в людях жуткий страх перед волчьим отродьем.

Однако с тех пор многое категорически поменялось. Что-то давненько я не слышал реальных историй о нападениях волков на людей в лесах средней полосы России. Даже один мало-мальски такой случай вызвал бы невероятный ажиотаж среди охотничьей братии. В те места рванули бы стройные ватаги охотников со всей страны, которые покарали бы серых смутьянов, уничтожив подчистую волчье поголовье. Думаю, в этом случае такое поведение людей было бы оправданным. Волки должны твёрдо знать своё место и не пересекать чёрту, обозначенную человеком.

Но и человек обязан правильно понимать рамки и границы своих действий в отношениях с волком. Пользуясь преимуществом данного Богом разума, нельзя загонять волка в угол и куражливо вести себя перед ним как перед низшим по разуму существом, ему ведь тоже как Божьему созданию необходимо дать возможность максимально свободно существовать в матушке Природе.

Я отношусь к волку с уважением. В условиях откровенного геноцида, устроенного ему человеком, волк сумел выжить, он не склонился перед человеком не потерял, как говорится, лицо. Он всё также, как и века назад, смело и гордо смотрит на Жизнь, на нас с вами и спокойно и уверенно обитает в неласковом к нему мире, живёт, не веря Человеку, надеясь лишь на себя, на свои ноги и зубы.

Я встретил его на морском берегу. Он шёл по своей тропе мне навстречу, длинноногий, с мощной грудью. Двигался лёгкой трусцой, неспешно — так ходят уверенные в себе, уже пожившие, опытные волки, обитающие здесь давно. Живущие в своём доме.

Мы остановились и стояли в тридцати метрах друг от друга, глаза в глаза. Слева — придвинутая к нам глиняная гора, справа — море, плюхающее о каменистый берег тяжёлой волной. Весь вид волка, совершенно не свирепый и не агрессивный, говорил мне о том, что он — здесь хозяин, что именно он здесь живёт, а не я. И что он со своей тропы не свернёт. Глядя на него, я понял это.

И я свернул с тропы и убрёл к морю. Остановился около волны, повернулся к волку. Тот, как мне показалось, посмотрел на меня с благодарностью. И пошёл по своей тропе дальше. А я пошёл по своей.

Мне кажется, я правильно поступил, встретившись с Волком.

Ещё думается мне: так надо бы поступать всем нам, носителям высшего разума, встречая на своём пути древних хозяев мира — Волков.

Именно об этом моя повесть «Белоушко».

БЕЛОУШКО

Повесть

Волк — не соперник и не враг человеку. Он — наш собрат, с которым мы призваны делить землю.

Л. Дэвид Мич

Волков считают свирепыми созданиями, но редко кто задумывался о том, что волк всего лишь защищает то, что ему дорого.

Неизвестный автор

Это логово было для Волчицы запасным. Длинная яма, вырытая под висящим над землёй толстым стволом ели, больше года пустовала. Она потеряла уже все волчьи запахи, и лесные обитатели перестали опасаться этой чёрной дыры. Ночевали в ней, пережидали непогоду или просто прятались и ежи, и змеи, и зайцы. Беременная Волчица пришла сюда, к этому своему бывшему жилищу, и обнаружила там спящего косоного. Она учуяла его издали и подошла тихонько встреч ветра. Тот сладко спал, ничего не подозревая, под накрапывающую весеннюю капель. Для опытной матерой зверюги не стоило большого труда подкрасться и сцапать сонного зверька. Только и успел он издать судорожный короткий плач. Заяц был виноват сам: слишком глубоко залез в нору и не предусмотрел варианты отхода. В момент смертельной опасности у него оказался только один путь — в пасть Волчицы. И этот короткий, последний в своей жизни путь, он совершил...

Зайчишка попался кстати: волчья самка вот-вот должна была разродиться новым помётом, она остро нуждалась в накоплении свежих сил, так необходимых для родов и для многотрудных забот по поднятию на крепкие лапы нового волчьего выводка.

Волчица не собиралась растить своих детёнышей именно на этом месте. У неё было другое логово, которое она считала более надёжным и безопасным. Волчья самка пришла сюда, чтобы проверить, можно ли в случае опасности спрятать и здесь родившихся у неё щенков.

Она лежала на небольшом пологом пригорке, грызла пойманного зайца и разглядывала окружающий лес. Вокруг бушевала распахнувшаяся, разметавшая повсюду молодую зелень весна. Все деревья, вся природа источали острые запахи проснувшегося леса. Сквозь молодую листву пробивались брызги солнечного света и падали на её глаза. Волчица щурилась и медленно, сосредоточенно, скалясь в звериной улыбке, наслаждаясь ароматом свежего мяса, грызла своего зайца.

В недалней дали пел звонкие песни лесной ручей. Пошумливал в ёлочной хвое и в ветках склонившейся над ней берёзы бодрый ветерок. Разгуливал по лесу недавно начавшийся месяц-май.

* * *

Через неделю, как раз в середине мая, народились детёныши — маленькие мохнатые комочки, еле ползающие, однотонные, почти чёрные волчата — пять штук. Они лежали разрозненно и попискивали. Мать-Волчица тщательно вылизала их, каждого по отдельности, потом сгребла в одну кучу — так её детям будет теплее — и улеглась на эту живую горку животом. Но не придавила их, а так, как бы прилегла сверху

и согрела своим теплом, создала для питомцев необходимые условия. Слепые волчата только и делали, что спали, а потом копошились под нею, расталкивали друг друга и жадно высасывали из неё молоко, звучно хоркая и чмокая, сильно дёргая и больно покусывая соски. Волчица терпела эту сладкую боль: так терпят её все лесные матери.

Самец всё время был рядом с ней. Он внимательно, с бесконечной нежностью разглядывал своих детей. Когда щенки выползали из-под Волчицы, неумело, но старательно принимался вылизывать их спинки и животики. И Самец и Волчица следили за тем, чтобы в логове сохранялась чистота и с тщательностью убрали своими шершавыми языками все лужицы и кучки, оставленные их питомцами на территории логова, а также и то, что появлялось под их хвостиками. Это тоже обыкновенная повседневная забота родителей всего лесного звериного населения.

Потом Самец уходил на охоту и приносил Волчице свою добычу. Когда его долго не было, самка голодала, но всегда терпеливо ждала его возвращения. Она любила главу своего семейства, ведь и у волков, и у их близких родственников — собак тоже есть сильная привязанность друг к другу, которую люди называют любовью. Ясными и промозглыми весенними ночами она не спала, а с тоской слушала, как посвистывает ветер в верхушках деревьев, как далеко-далеко в человеческих жилищах — деревнях — тявкают собаки, извечные враги волчьего племени.

Как и всегда, тревожил её страх.

Мало чего может бояться в лесу волчья самка. В этом родном для неё мире, мире Природы, у неё мало врагов — разве только медведь. Но он никогда не нападает первым. Как истинный, полновластный хозяин Леса, он добродушен и ленив. Зачем ему бегать за волками? Всё равно ведь не поймает. А если и произойдёт встреча лоб в лоб, любой волк, быстрый и хитрый, вцепится ему в морду и своими стальными челюстями и клыками прокусит её насквозь. Медведь знает это и никогда не ерепенится, не воюет с волками. Только, если волки вдруг нападут на медвежат...

По-настоящему Волчица боялась только Охотника. Ей часто казалось, что это страшное, безжалостное существо вот-вот прокрадётся сюда, к ней и к её детям и начнёт выбрасывать смертоносный, громоподобный огонь из своей толстой железной палки — все волки знают про неё. И её детки превратятся в мёртвые, неподвижные комочки...

Волчица ждала и ждала Самца, она прислушивалась к тревожному лесу и все вглядывалась в дневную и ночную даль.

Наконец, под большой елью, той, под которую всегда нырял её муж, уходя на очередную охоту, шевельнулись лапinya. Он вернулся!

Пришёл к ней и приволок добрую часть загрызенной им овцы. Впервые за долгий период она наелась тёплого мяса! Самец ласкался к ней, радостно лизал её морду, тёрся боком и шеей, тихонько поскуливал от

нежности.

Через день он снова ушёл и больше уже не вернулся. Волчица со своим выводком осталась одна.

Из глубины густого можжевельного кустарника Самец долго наблюдал за деревенским овечьим стадом, которое изо дня в день паслось на травостоях, раскинувшихся по пологому склону угора, лежащего вдоль озера.

Напасть на какую-нибудь отошедшую от стада овцу он не решался, потому что невдалеке, на пригорке постоянно посиживал пастух в грязной и помятой приплюснутой кепке и всё посматривал вокруг, всё посматривал...

Когда пастух в первый раз отлучился от овечьего стада, волк не решился напасть. Было неясно, когда он вернётся. Вдруг это случится неожиданно, и пастух выставит вперёд свою железную палку и из неё выплеснется смертельный огонь, погубивший уже множество сородичей. Его долго не было, и овцы паслись одни. Но, когда человек ушёл и на другой день, Самец смело прыгнул в стадо и быстро перегрыз горло крупному барану. Тот не смог убежать, потому что был среди овец, своей толчеей они помешали ему.

Самец отволоч барана подальше от стада и отгрыз у него заднюю ногу вместе с частью холки. Тушу спрятал в кустах, а мясо унёс в логово к своей Самке.

Через день Самец вернулся. При-

слушиваясь и принохиваясь, прокрался к кустам, уловил плывущий к нему дух бараньего мяса и шагнул в тёмную сень нависших над землёй веток.

В этот момент одновременно с громом выстрела в его тело впился заряд крупной картечи. И убил его.

Деревенский мужик, опытный охотник Иван Печурин сидел на пригорке, курил сигарету. Ружьё лежало на коленях. Напротив, в трёх шагах, лежал на земле убитый им волк.

«Здоровенный какой! — размышлял промысловик, — хорошо, ветер не подвёл: задувал куда надо, иначе не подошёл бы, зверюга, так близко».

Позавчера его нашёл председатель сельсовета Шмыгин и сообщил новость: объявился волк, который напал на деревенский скот.

— Надо бы, Иванушко, кокнуть его, — попросил, — а то ведь повадится гад, овечек всех и перережет. Укорот надоть дать ему...

Надо, так надо. Печурин взял своего старого охотничьего пса, верного помощника Иртыша и пошёл к месту выпаса стада.

Он быстро определил место схрона волка, откуда тот напал на овец. Среди можжевельных зарослей была примята травка, а в ней кусочки лнялой волчьей шерсти — явная лёжка! Здесь серый хищник отлёживался, отсюда наблюдал, отсюда и прыгнул...

А вот след и от бараньей туши, которую волк тащил в кусты, вот кровавые дорожки. Собака сразу обнаружилась и саму тушу, спрятанную

в можжевельной гуще. Без задней ноги.

Долго размышлять не пришлось. Понятно, что волчара вернётся за своей добычей — ему ведь надо мясо в логово доставить к волчице своей и к выводку, у такого матёрого волка сейчас должно вырастать потомство. Конец мая — самое время! Щенки ещё слепые должны быть. Мать с ними. Вот он ради них и старается. Ради них и погиб.

Печурин докурил сигарету, вмял каблук в подрастающую траву окурком, взгляделся в убитого волка, подумал: «Вот ты лежишь тут мертвяком, а детки твои резвятся сейчас с мамкой, тебя ждут. А ты и не придёшь к им больше... А они тебе и спасибо не скажут за ето, твои детки. Забудут, да и всё»...

Он всегда был маленько сентиментальным, хороший охотник Иван Печурин, и у него самого была дочь, уехавшая в город и вспоминающая родителей только лишь когда ей требовались денежки на новые наряды. А так, обычно — ни слуху от неё, ни духу. И от всех мыслей, связанных с этим, ему было грустно.

Но был Иван и простым деревенским мужиком, а значит был сугубым реалистом. Деньги — где их взять! И вот Печурин, как глава семейства и добротный охотник, приоровился добывать их охотничьим промыслом. Осенью — капканы на ондатру. Неплохой от них приработок. Зимой — капканы на куницу — тоже дело прибыльное. Иногда волка брал, сейчас вот тоже удалось... Волк — это дорогой трофей, очень непо-

хо оплачиваемый...

Он сидел и размышлял, что теперь надо будет срочно искать логово, где прячутся волчата. А те в одной цене со взрослыми волками идут. Иван стал было прикидывать, сколько же денег можно сорвать за выводок? Да если штук шесть-семь щенят? Считал-считал, сбился со счёта, но однозначно получалась хорошенькая сумма. Можно будет много чего приобрести и для дочки и для хозяйства... Ему давно, например, надо поменять лодочный мотор «Вихрь-двадцатипятку» на чего-нибудь более свежее, современное. Например, на японскую «Тошибу» или же «Ямаху» — все их нахваляют. Эти марки не соврнут: марки, так марки! Мужики, у кого такие моторы имеются, сказывают: износу им нету! Завод — с полоборота! И тяга сильнее, и скорость. Ладные движухи!

Иван выкурил ещё сигарету и понял окончательно: надо искать логово, надо!

— Ну, чего Иртыш, пойдём с тобой копейку добывать? — спросил он у кобеля, снующего вокруг убитого волка, скалящегося на него и злобно взирающего.

А тот будто бы всё понял, даже башкой своей кобелиной кивнул, и пошли они в деревню за лошадкой, да ещё за телегой.

В мае почва только-только оттаяла, ручейками ушла в озеро ровга — ледяная корка, всю зиму сковывавшая землю. И земля размякла, превратилась в сплошную жижу. Не пройти по ней, не проехать. Только

лошадка с телегой и может прокандыбать. Убитый матёрый волк был тяжёл, одному человеку с ним не справиться. Лошадь будет в самый раз.

Под вечер этого же дня Иван привёз волка в деревню и бросил в амбар. Уже с позднего вечера амбарчик этот окружили собаки и всю ночь остервенело лаяли. Изю всех пазов, из дверных щелей на собак веяло смертельным их врагом, и они заходились в лютой ненависти в вое и лае, погрызли у амбара деревянные углы. Не давали спать, и Печурин дважды за ночь выскакивал на улицу с палкой, разгонял собачонок, только так и не разогнал.

Его всю ночь волновали мысли о новом моторе и о том, что надо снаряжаться и идти в лес, искать логово...

* * *

Вокруг Волчицы ползали её дети — полуторанедельные волчата. Они были ещё слепыми, но уже совали свои мордочки во все дырочки, уже начинали заигрывать друг с другом и всё искали её соски, вместе с молоком высасывали из неё силы.

Прошли четверо суток, но Самец не возвращался. Еда, которую он принёс несколько дней назад, закончилась. Волчица была голодна. Самец, такой близкий для неё, никогда не отлучался на столь долгое время. Где он, что с ним? Без его поддержки трудно будет вырастить потомство, которое всё время хочет есть и пить, которое надо будет воспитывать в строгости и выучке. Из волчат надо

будет вырастить умелых волков, умеющих охотиться и добывать себе пищу.

Повсюду тревожно шумел весенний лес. По ночам Волчице не спалось. Ей всё время казалось, что из кустов, из-за деревьев выйдет кровавый и страшный Охотник с оскаленным ртом и с огнедышащей палкой и убьёт её беспомощных деточек.

Она внимательно и тщательно приняживалась ко всем запахам, наполняющим Лес, прислушивалась ко всем окружающим её звукам — не крадёт ли к логову Охотник, чтобы успеть спрятать волчат в укромном месте. Но днями всё задувал и задувал резвый ветер, раскачивал деревья и кусты. От этого весь Лес был в движении. Разве можно было что-то различить и почуять, когда всё шумело и шевелилось и когда ветер разбрасывал по сторонам и уносил все запахи.

А в вечернюю и утреннюю зарю на всех окрестных болотах оглашено орали влюблённые тетерева и урчали, и чуфыкали, и шумно дрались, стуча друг о друга крыльями. Сквозь этот лесной гомон не пробивались никакие другие звуки.

Волчица — голодная, встревоженная отсутствием верного и надёжного друга, сильно утомилась за эти дни. Она устала в своём ожидании и вынужденной неподвижности, в постоянном беспокойстве за слепых ещё волчат. Кроме того, голод сократил выработку материнского молока. Детёнышам стало его не хватать, и они начали громко поскуливать, требуя у матери еды.

Через несколько дней она осознала, что силы совсем оставляют её. Очередным утром она вылизала волчат, мордой своей сбила их в одну кучу и отправилась на охоту.

Она всегда умела выслеживать длинноухих зверьков — зайцев, обладающим любимым для неё мясом, душистым и нежным. Вот и сегодня, этим ранним утром, она скоро отыскала заячий след, уходящий на дневную лёжку.

Найти его, спящего, не составило особенного труда для опытной Волчицы. Она быстро разобралась в петляниях зверька. Вот он прошёл по травянистой низинке, вот вернулся по своим же следам... А вот и смётка — резкий прыжок в сторону. Может, другой волк и потерял бы здесь зайца — след-то оборвался. Но Волчица быстро отыскала то место, куда приземлился прыгнувший заяц. Теперь она знала: скоро будет сама лёжка. Только обнаружить её надо заранее...

След шёл прямо к густому вересковому кусту. Волчица догадалась: он там!

Осторожно и бесшумно ступая с подветренной стороны, она подкралась к кусту, подняла голову и замерла. Сейчас нужно подождать и просто разглядеть в толщине куста любое шевеление, любой намёк на присутствие там зайца. Нужно определить точку, в которой он находится...

Через несколько секунд она сделала последний прыжок. Заяц не успел даже шевельнуться...

Волчица вернулась к логову полная новых сил, облизываясь, отфыркивая пух заячьей шкурки, прилип-

ший к пасти.

Время шло, пришли новые дни. Её дети-волчата скоро уже начали открывать глаза, стали узнавать её воочию даже на расстоянии и ковыляли на слабеньких своих ножках, поскуливая от радости прямо к ней, к своей матери. Это радовало Волчицу — любая мать рада, когда дети её развиваются и растут здоровыми. Скоро, совсем скоро будут отказываться от молока и станут требовать мяса, ведь они растут волками.

Но сытость не утолила тоску по Самцу, который так пока и не вернулся.

Ночью, когда её дети дружно спали, посапывая, прижавшись мордочками к материнскому тёплому животу, она смотрела на блёклые жёлтые звёздочки, висящие на тёмно-сиреневом небе, подсвеченном упавшим за горизонт солнцем. Она не спала, а только тихо-тихо поскуливала, изнывая от изнуряющей всё тело непрерывной тоски. Над ней в ночном воздухе летали и позванивали лёгкими крылышками белые мотыльки. Такие же мотыльки кружились над ней и её самцом, когда он уходил на последнюю охоту.

Посреди ночи Волчица не выдержала. Она уселась на землю и, задрвав голову к ночному небу, завывала, словно желая, чтобы окружающий логово Лес разделил её печаль по Самцу, чтобы вернул его к ней. И ещё хотела она, чтобы услышал её плач в дальних далях, в тех потаённых, скрытых от всех глаз чащобах её потерявшийся Семец,

отец их общих детей-волчат, самых красивых пушистых комочков, уже увидевших мир. Услышал бы и откликнулся. Вернулся бы к ней, чтобы им вместе обустроить логово и вместе поднимать детей.

Она долго так плакала, но Лес ничего не ответил ей.

* * *

Через пять дней Иван был готов к поиску волчьего логова. Он изготовил свежие патроны, оснащённые картечью, и круглыми свинцовыми пулями — таким пулям он доверял больше, чем всяким там «жаканам» и прочей дребедени: круглая пуля летит, куда прицелишься, а цилиндрические формы вихляются в воздухе и постоянно мажут. Проверено! Снарядил полный патронташ: волчье логово — не шутка! Все эти боеприпасы — для волчицы, потому как ясно, что по волчатам стрелять не придёт-ся, с ними разберётся собака...

Работа по логову — дело кропотливое и, как правило, долгое. Поэтому положил он в рюкзак запас еды, чайник, смену белья и запасные портянки — всё это, если придётся ему промокнуть до нитки. Сейчас, по весне, шагать придётся по разводяям, где воды по пояс, да и лес тоже мокрый, наверняка сапоги будут полные весенней воды, а вся одежда сырая.

Иртыш уже заждался у крылечка. Иван только нос высунул из входной двери, а кобель — поглядите на него — уже волчком извивается перед ступенями, изнывает, вертит хвостом, словно колесом... Откуда они, собаки, загодя понимают, что хозяин в лес собрался? Вечная загад-

ка! Не показывал сборы, даже и слова не сказал про лес, про охоту и вот тебе пожалуйста: кобелина давно ждёт. Бросился к Ивану с объятьями, да поцелуями.

— Ну, ты эт, погоду, погоду, — урезонивал его охотник, да всё без толку: собачьей радости не было предела.

У Печурина был какой-никакой опыт поиска волчьих жилищ. Основных примет в таком деле было несколько: логовища всегда располагаются около проточной воды — ручья или речки. В проточной воде меньше, чем в застойном озере, всякой заразы. Волки сильно пекутся о том, чтобы животики их потомства были здоровенькими. Второе: волки устраивают свои обиталища на небольших возвышенностях в скрытых от постороннего глаза, сухих, как правило, песчаных местах среди лесных завалов, в холмистой или овражистой местности. Всё это от заботы о потомстве: волчата должны вырастать в чистоте и безопасности.

Иван Печурин знал все эти тонкости, долго глядел на карту и соображал, где же спрятано волчье логово? Перебрал в памяти километров двадцать квадратных, пока не выбрал наиболее подходящую территорию. Самое главное, что она располагалась не очень далеко от того места, где он подстрелил волка. Тот не стал бы отходить от своей волчицы и волчат на большое расстояние.

Он изучал свою замызганную, затёртую в рюкзаках походную карту, сидел по вечерам за столом, мычал, водил по карте пальцем, пока всё не сошлось. Вот тут, рядом с Оксе-

ньным ручьём, видал он песчаные пригорки. Места глухие, мало кто туда заглядывает, просто незачем. Ни пожень там нету сенокосных, ни рыбы в ручье, ни грибов тоже толком не водится, ни ягод. Вот люди туда и не ходят. В эти места он и отправился сейчас с собакой со своей, с Иртышом. Пошли они вдоль ручья, вверх по течению. Начали путь прямо от озера, в которое ручей впадает. По левую сторону потихоньку тянулись бугристые места, поросшие толстым сосняком и ельником. Где-то в их глубине, в самом их чреве, волки скорее всего и построили своё логово. Справа ширились берёзовые, да ольховые урочища, по земле стелился корёжистый, кустарниковый можжевельный стланник вперемежку с ивняковыми подрадьями.

Иван с собакой шёл по левой стороне. Задача у них была только одна: обнаружить подходы волков к ручью. Ясно ведь, что любая живность пьёт воду. И волкам в логове как без воды? Раза два-три в сутки должны они наведываться к водопою. Особенно волчица, у которой щенки ежедневно высасывают много молока. Молоко-то — оно и есть вода.

Волка-самца нет, его Иван оприходовал недавно. Ну, значит, одна волчица логово стережёт. Она одна и ходить на водопой должна. И должен быть её след к водопою и обратно...

А уж, когда найдётся он, дальше всё будет просто. Следочки эти сами приведут к волчьему дому. Для этого взят на охоту Иртыш...

Около трёх километров двигались они вверх по течению, углубля-

лись в лес. Кобель был взят на длинный ремешок и вышагивал впереди, принохиваясь к множеству запахов, бьющих в его ноздри, шныряя по сторонам. Иван пристегнул его на ремень, чтобы Иртыш не бросился за каким-нибудь случайным зайцем или вылетевшей птицей и не удрал в лес, не испортил бы охоту. Или, не приведи Боже, почует собака волчицу, рванёт к ней... А та в бирюльки играть не будет — живо загрызок перекусит. Ни одна собака волка одолеть не сможет. Секунд пять — и всё! Нет собачки...

Наконец, Иртыш резко уткнул морду в траву, шумно задышал, дёрнулся сначала к воде, закрутился на одном месте, а потом потянул Ивана в сторону от ручья — в лес. Охотник разглядел: собака вышагивает по волчьей тропе. Тут волчица ходит на водопой.

* * *

Волчица издалека почуяла человека. Рядом с ним был извечный враг волков — собака, древняя предательница их рода, давным-давно перешедшая на верную службу лютному врагу всей лесной живности — двуногому существу, убивающему волков при помощи железной палки. Теперь ветер принёс к волчице запахи этих двух извечных смертельных ненавистников волчьего рода — собаки и человека. К ним примешивался и запах страшного их оружия. Этой самой огнедышащей палки.

Судя по приближающимся запахам, враги приближались к ней! И к её детям! Волчица осознала: ей надо

очень быстро спасти своих детей! Охотник застал её врасплох.

Она схватила первого попавшегося, самого близкого к ней детёныша, у которого с рождения одно ухо было белым, за загривок и побежала с ним в сторону запасного логова. Добежав до ручья, Волчица решила: надо оставить его здесь, иначе она не успеет унести из опасного места всех своих детей. Волчица спрятала белоухого волчонка внутрь смородинового куста и вернулась к логову.

Она опоздала. Глядя из-за укрытия увидела страшную картину.

То, что увидела Волчица, лежало потом тяжёлым камнем на сердце всю её оставшуюся короткую жизнь.

Собака находила в траве и под деревьями спрятавшихся детей и по очереди, одному за другим, прокусывала им спинки. Хватала пастью поперёк тельца и сжимала челюсти. Косточки у волчат, рождённых и вскормленных ею, хрустели. Детки её коротко жалобно взвизгивали и умолкали.

Она умертвила всех. Волчата лежали на траве безжизненные, неподвижные.

Собака разгуливала перед нею. Смертельно ненавидимое существо. Бесконечный враг! Её следовало разорвать, распороть когтями и зубами её брюхо. Изгрызть её морду...

Но совсем рядом стоял, а потом подошёл к собаке Охотник, держа в руке наизготовку железную палку. Он снял с плеча мешок и, переходя от одного лежащего в траве волчонка к другому, поднимал и складывал в него её детёнышей. Волчица не мог-

ла напасть на человека — он бы убил её из своей страшной палки. Тогда погиб бы последний оставшийся в живых детёныш.

Из глаз Волчицы вытекали слёзы: она только что потеряла своих детей. Неслышно, ползком, она повернулась на обратный путь. Пригибаясь, добралась до места за деревьями, где можно было подняться на все лапы, и стремглав добежала до ручья, до того места, где был спрятан её последний сыночек, единственный, оставшийся в живых.

Волчица снова мягко прикусила шёрстку на его загривке и понесла через ручей.

Волчьи повадки сродни человеческим, когда волк уходит от погони. Она довольно долго брела по дну ручья вверх по течению. Она знала: если просто пересечь ручей, то собака быстро отыщет её след на другой стороне ручья. Поэтому она вышла на противоположный берег не сразу, а за двумя излучинами. Вышла и направилась к запасному логову.

Там лежала она в норе под толстым комлем старой, давно упавшей ели и, вылизывая шерсточку оставшегося в живых детёныша, чуткими ушами слышала, как на другой стороне текущего в дальней низине ручья шуршала в траве и фыркала бесполезно ищущая её собака и как омерзительными, булькающими звуками, приглушённо что-то ей приказывал смертельный враг всех волков — Охотник.

* * *

Проклёвывались над горизонтом очередные рассветы, и затем полы-

хали кроваво-красными и розовыми пожарами над утренней землёй. Медленно выползал из-за черты горизонта большой пылающий шар, разносил вокруг тепло, согревал остывшую за ночь землю и деревню, пробуждал спящих в ней людей. Дни сменялись днями.

А белоухий детёныш волчицы подрастал и скоро уже крепко стоял на ножках. Мать-волчица начала кормить его свежим мясом. Для него она выследила и убила почти всех зайцев в округе, разорила многие утиные гнёзда на соседнем озере, что просвечивало своей тускловатой водой сквозь лапinya ёлок и сосен, растущих вокруг логова. Приносила в пасти целые яйца, осторожно держа их на мягком языке, аккуратно клала их на землю перед мордочкой сыночка. Тот бережно захватывал маленькой пастью яйцо, запрокидывал голову и, щурясь от удовольствия, прижимал яйцо языком к небу. Скорлупа трескалась, и нежная, пахучая мякоть заполняла рот...

Сытый волчонок носился по утрамбованному матерью песку, азартно взлаивал, догонял свой хвост, воевал с хвостом матери — дёргал его и кусал. Мать терпела.

Волчонок подрастал. А Волчица страдала от того, что с ним не играют погибшие её дети...

Однажды мать ласково вылизала его шёрстку, подняла зубами за загривок и уложила в нору под комель дерева. Своей мордой как бы слегка утрамбовала его там и сказала ему:

— Будь послушным, сынок, лежи здесь тихо и жди меня.

И белоухий волчонок лежал в этом укрытии, лежал долго...

* * *

Волчица пошла в сторону деревни. Она не могла туда не пойти — там жила эта мерзкая человеческая служанка — собака, погубившая её детёнышей. Волчица была обязана тоже загрызть её. Таков старый закон волков: враг должен быть убит, иначе он придёт снова и убьёт тебя самого.

Перед деревней она, прячась в кустарнике опушек, в лесных выстухах, обошла деревню стороной, вышла на околицу так, чтобы ветер задувал от домов к ней. Она легла на пригорок прямо перед жилищами людей в прилесном кустарнике, в невысокой траве. Положив голову на лежащий поперёк толстый сук, прижавшись всем телом к земле, как всегда в момент охоты, слилась с Лесом. Волчица всматривалась в деревенские дома, ловила плывущие к ней запахи, была невидимой и неслышимой для всех, кто обитал в них, кто проходил по улицам и проулкам.

Она вышла на охоту.

Не на Человека она охотилась сегодня. Волчица знала: ей никогда и ни за что не победить его. Этот противник умнее, хитрее и опаснее всех волчьих врагов. Кроме того, ей нельзя быть побеждённой потому, что в Лесу её ждёт детёныш, который просто погибнет без неё. Она была оскорблена вероломством и наглостью этой людской рабыни — собаки, предательницы волчьего племени,

живущей здесь, в этих человеческих жилищах, убившей её деточек. Её и надо было отыскать сегодня и растерзать.

Лежала Волчица долго. И выследила, в каких домах скрываются собаки. У всех собак разные голоса, разный лай. Волчица хорошо в этом разбиралась, потому что волки сами умеют не только выть, но и лаять, и у каждого тоже различаются голоса. В Лесу, на огромных его просторах обитали многие волчьи стаи, но для неё не было секретом, где какой волк живёт, самец или самка, друг или враг. Достаточно было посидеть в тишине у логова и послушать Лес. Вот и сейчас без большого труда она определила, в каких домах живут собаки, кобели они или суки, и где собака молодая, а где старая.

Но все они не нужны были сейчас Волчице. Ей требовался лишь один тот старый кобель, который приходил в её логово вместе со своим хозяином. То, что это был кобель — в этом у неё не было сомнения: собачьи кобели и суки, как и волчьи, пахнут по-особенному, их нельзя спутать. Тот кобель оставил свой острый паховый запах около её жилища. Он запомнился ей, хорошо запомнился!

Пока встречные порывы лёгкого ветра, гонимые из деревни, не принесли нужного запаха. Волчица лежала и волновалась, ей необходимо было, смертельно было необходимо перегрызть горло ненавистному врагу.

Солнце уже спряталось за деревьями, густой стеной опоясавшими дома с закатной стороны. Там, куда оно ушло, во всю небесную ширь

растеклась опять по небесам красно-жёлтая и сиреневая краска, схожая с полыханием лесного пожара. Волчица всегда побаивалась такого неба. Ей казалось, что огненный шар, уткнувшийся в лес, зажжёт деревья, и огонь придёт к ней, к её логову, погубит её саму и детей.

Но в этот момент она не думала об огне. Ей нужен был только тот старый кобель. Мысли о нём подавляли всё остальное. Волчица ждала его, ждала.

Лаяли в деревне собаки. Вполне умиротворённо переговаривались люди. Посвистывал в проулках вечерний ветерок. Над деревней висел лёгкий гул неспешной жизни. Всё потихоньку умолкало. Волчица знала: так всегда бывает, когда люди уходят спать.

Наконец, деревня окончательно уснула, и она потеряла надежду. Может быть, и нет того кобеля в этой деревне? Он ведь может жить совсем в другом месте...

И тут справа от Волчицы в крайних деревенских домах хлопнула какая-то дверь, и послышался дробный топот по настилу крыльца, по ступенькам, выбегающей на улицу собаки. И сразу же звонкий лай. Выскочившая из дома на улицу собака всегда громко лает. Она даёт всем знать: это я появилась! Собственной персоной! Всех попрошу поджечь хвосты и помалкивать! Таковы нравы у этих собачьих коротышек.

Было понятно, что собака долго, целый вечер сидела в доме взаперти, и тут вырвалась на свободу в неурочный ночной час.

Волчица сразу узнала голос того кобеля, причинившего ей столько горя. И запах! Ветерок принёс и тот самый кобелиный дух, который она запомнила как самый омерзительный запах собаки, встречавшийся ей в жизни. Она не смогла бы перепутать его ни с каким другим.

Это был запах убийцы её детей!

Она поднялась и пошла. Крадучись, протянулась вдоль деревни, по опушкам, по маленьким балкам, через неширокие ручьевины, укрываясь среди кустарников и тонких осин. Поднялась на ноги напротив крайних домов, из которых только что доносился лай того кобеля. Стоял вполне просвеченный вечер середины лета, но собак около домов не было видно. Обзору мешал забор, изготовленный из жердей, воткнутых в землю и расположенный над землёй наискосок. Его надо было преодолеть. Волчица нашла проём между жердями и не без труда проползла на другую сторону забора. Опять приникла к земле, опять слилась с травой и серым бурьяном, замерла, потихоньку двигая головой, огляделась.

Как раз в это время из среднего дома, что стояли напротив, донёлся грубый шорох. Ей стало понятно, откуда он идёт — из чёрной горловины лаза, идущего под дом. Оттуда показалась голова крупной собаки. Волчица узнала её сразу! Вероятно, он улёгся уже на ночлег, но ему, поспавшему несколько дневных часов в тёплом хозяйском доме, не спалось сейчас, и он решил размяться в вечерней привольной прохладе.

Это был тот самый кобель, который расправился с её щенятами. Она знала, что делать!

Волчица, распластанная на земле среди дворовой травы, была невидима сейчас. Глядя прямо на кобеля, она лежала и ждала удобной секунды, чтобы напасть. А тот, ничего не подозревая, начал подпрыгивать, потягиваться, разминая кости и мышцы после долгой отлёжки рядом с диваном хозяина. Он огляделся вокруг, чтобы кого-нибудь увидеть и полаять на него, чтобы в очередной раз хозяин убедился, что пёс верен ему и готов всегда служить верой и правдой.

Кобель глядел вокруг, но никого не было рядом...

И вот глаза его встретились с глазами Волчицы.

Волчица внимательно смотрела на него холодным взглядом убийцы, разглядывающего свою жертву перед тем, как её казнить.

Залаять Иртыш не успел. Волчица сделала только два прыжка, на которые затратила лишь две секунды. Волки быстро настигают тех, кого решили убить. Единственно, что успел кобель сделать — нырнуть под дом в обычный свой лаз, но Волчица схватила его за заднюю лапу и выдернула в мгновение ока из-под стены, выбросила наружу. Тут же немедленно схватила кобеля поперёк морды, развернула его тело лапами вверх и вцепилась в горло. Ей хватило нескольких мгновений, чтобы вырвать гортань своего смертельного врага...

Потом Волчица схватила уже

мёртвую собаку за ухо и подтащила к крыльцу. Оставляя на ступеньках густые кровавые полосы, проволокала наверх, положила собачий труп на верхнюю площадку, перед самой дверью. Это для того, чтобы хозяин увидел, что стало с его собакой, которая убила её волчат.

Когда она уже ночью вернулась к логову, её белоухий волчонок встретил мать с радостным визгом, бросился к ней ласкаться. Затем припал к соскам...

В эту ночь Волчица в первый раз за много дней крепко уснула.

Она сделала дело, которое обязана была совершить волчья мать.

* * *

Иван Печурин просыпался рано. Привычка эта с самого детства. Батка его, покойный Федот Михалыч, так учил сына: «Раньше глаза протрёшь — больше сделаешь!»

Так оно и есть! Вот сегодня надо сетки браконьерские потрясти, а это означает, что на дорке надо на три километра вдоль берега скатать. Там, в укромном местечке, между двух каменистых бакланов сетки заныканы. Три промёта. Сети натоделны — «тридцатки», «сороковки», да «шестидесятки» — все проверенные, как говорится, в боях, все уловистые, крепкие, «морские». И выставлены как надо: на глубинках, в лудистых проливинах. Уловистое место! Два дня уж как замётаны сетки. Надо ехать прямо с утра, а то, не дай-то Бог, капшаки — эти маленькие бандиты — креветки налетят тучей и попортят всю рыбу. Если сеть

с сёмгой пойманной сутки пробудет в воде не проверенная — считай, не увидишь эту сёмужку, один скелет и поймаешь в сеть.

Да ещё рюжа стоит на навагу напротив дома, потрясти надо, рыбку вынуть. Водорослей наверняка набило немало, вытрясти их из кута следует. После шторма нанесло...

Доски опять же на повети лежат, для замены крыши на амбаре приготовлены. Обстругать тоже надо, боковинки снять, чтобы народ на смех хозяина не поднял...

Многодельно всё, а рук не хватает. Так и идёт день за днём...

Он поднялся на кровати, сел на краешек, глянул в окошки. Там, на море «шерстил», разбрасывал синюю рябь упругий ветер — «побе-режник», как всегда шустрый, но дельный, рыбный ветерок.

Жена его, Антонида, тоже запро-сыпалась, заворочалась, сбросила с груди одеяло. Спросила:

— Чего, Ваня, вставать будешь, али как?

— Угу.

— А чево ты в таку рань? Спал бы ишшо, да спал.

— Нельзя мне, делов много...

Сходил в уборную, сполоснул физиономию, положил ломтиками в рот и вяло сжевал парочку вчерашних, недоеденных за ужином жареных сижков, хлебнул холодного, тоже вчерашнего чайку, накинул на плечи брезентовую, до крайности замызганную, но всё же любимую и удобную куртку. И, наконец, вышел на крыльцо.

Увиденное поразило его.

Потрясённый, растерянный, он не смог стоять на ногах. Ноги его подкосились, ладони поползли вдоль стены, и Иван тяжело плюхнулся на крылечную ступеньку. Его Иртыш, донельзя изувеченный, а теперь вот просто дохлый пёс с вывалившимся наружу языком, с растрёпанной, всклокоченной шерстью, лежал перед ним. Иван ошеломлённый, плохо чего соображая, глядел в пустоту. Постепенно к нему стала возвращаться невероятно тяжёлая реальность.

«Кто это сделал? Зачем?»

В голову не приходило ничего путного. Тупо глядя перед собой, он стал звать жену. От потрясения громкость в голосе появилась не сразу, и жена какое-то время его не слышала.

— Тоня-яя! Тонюшка-а-а!

— Чево ты там, чево? — наконец отозвалась она, видно, уже на повети.

— Подь-ко сюды, подь-ко.

И вот всю деревню просквозил резкий истошный женский крик. Антонида стояла у распахнутой входной двери и кричала что есть моченьки.

Иван с трудом поднялся на скрюченных ногах и кое-как завёл жену в дом.

— Давай-ко, не удивляй людей, — сказал он ей.

Они сидели рядышком на кухонной деревянной лавке, уже немного остепенённые, отдышавшиеся и размышляли:

— Кака-така сволота собаку нашу затряхнула? Вроде не вредил он народу особо... — ломал голову Печу-

рин. — не кусал народ за ноги.

И ещё его брало сомненье:

— Не собаки ли его так покусали, што помер он? Можа, поперёк где стал? Кобелино дело тако... Вишь, горло вырвано...

А Аполинарья, жена его, думала-думала и придумала:

— Ну-ко, Ваня, давай-ко с другой стороны на дело ето поглядим.

— С какой такой?

Она нахмурила лоб, отчего во всю ширину его обозначились толстые складки, поглядела на мужа задумчиво:

— Ты волчонков-то сдавал недавно, где ты их взял?

— Как ето где? В лесу, на логови.

— Дак, мамашка-та у их была, аль нет? Как думаешь? Ты ведь с Иртышом и ходил, на логово на то.

Иван понял, к чему клонит жена, но ему страсть как не хотелось развивать разговор в этом направлении. Всё же спросил:

— Думаешь, она?

Антонида ответила решительно, как о само собой разумеющемся:

— А кто ише? Она и есь — волчица!

Глаза её стали жёсткими и злыми:

— Я бы и сама, ежели кто моих деточек обидел бы... Она приходила, мамашка, Иртыша и наказала... Отомстила...

Это был совершенно новый поворот дела. Новый и очевидно, что верный, суровый и беспощадный. Который, скорее всего, будет иметь продолжение. Осознавать это ни Ивану, ни Антониде не хотелось...

— Во как! — оглушенно и тихо

проговорил Печурин.

А жена его сидела на краешке лавки и было заметно, что колени её, обнятые цветастым сарафаном, мелко вздрагивали.

— Хорошо, в дом не забралась, окаянная. Нас бы с тобой тоже затряхнула. У ей станичче.

— Эт мы бы ишшо глянули, у меня вон дробовка в коридорчике висит, — огрызнулся Иван, впрочем для порядка: хозяин всё же, — стретил бы, как положено.

— Стре-етил бы! Пока за пукалкой своей бежал, она бы у тебя все места пооткусывала. И меня бы хватанула за загривок, заразина.

Иван бросил бесполезное дело — ругань с женой: разве переспоришь бабу... Взял лопату и пошёл на морской берег копать яму. Надо похоронить верного кобеля.

Потом, когда закапывал Иртыша, всё думал:

«Надо бы прикончить мамашу, а то ведь не отвяжется она, в лес теперь не зайдёшь...»

* * *

Лето шло к закату. Стало больше холодных утренников, когда лесная сырость с самой рани лежала между деревьями нетронутая, и лишь к полудню растворялась в прозрачности воздуха.

В лесу рдел август. Месяц лесных урожаев. Днями лес звенел от криков грибников и ягодников, перекликающихся друг с другом, от трубных звуков журавлей и гусей, жирующих перед перелётом в тёплые места на просторах болот и полей, от выстре-

лов охотников, справляющих свою страсть среди глухариных, тетеревиных и рябчиковых выводков.

Волчье логово было в стороне от этого шума, но всё же громкие звуки изрядно тревожили волчицу. Она не любила, когда в лесу похаживает много людей. Это были враждебные звуки как для неё и сына-волчонка, так и для всех других волков.

Её сыночек с белым ухом подрастал, и его надо было готовить для взрослой, самостоятельной жизни. А сейчас, четырёхмесячный, он уже без прежнего волнения переносил иногда долгое отсутствие матери, ушедшей в лес за добычей. Маленький волчонок вскоре и сам испытал новые интересные ощущения, которые говорили о его взрослении. Ему самому стала нравиться охота.

Однажды поймал мышь, случайно пробежавшую мимо. Он стиснул её зубами, прикусил тело, и вдруг осознал, что у него в пасти оказалось мясо. Он разжевал это мясо, похрустел мышинными косточками и проглотил. Мясо оказалось вкусным, и ему это понравилось. Оказалось, что вовсе не обязательно дожидаться матери, чтобы поесть то, что она приносит ему с охоты. Можно и самому добывать себе еду.

Он начал самостоятельно ловить мышей, которые обитали вокруг логова. Сначала просто гонялся за теми, которые изредка бегали в непосредственной от него близости. Почти никогда не догонял, мышшки быстренько убегали и прятались в маленьких норках, в которые не влезала даже мордочка крохотного вол-

чонка. Он злился, по-детски рычал и начинал лапками раскапывать, расширять крохотные дырочки, в которых спряталась мышь. Но не поймал ни одной.

Чуть позднее волчонок сообразил, что мышей лучше всего искать в корнях кустарников — там они живут, там и прячутся. Он принялся подкапывать кусты ольхи и малины, растущие вокруг логова. Копал под кустом, докапывался до корней и высматривал, откуда начнут выскакивать маленькие, вкусные зверьки.

Когда они выпрыгивали из боковых норок и убежали, белоухий волчонок научился догонять их мгновенно и съедать. Мать приходила и приносила еду, но сынок её был теперь не особенно-то и голоден. Теперь он сам добывал себе пищу.

Мать-волчица осознала, что её детёныш почти уже готов для натаски на серьёзную дичь, и стала брать его на охоту, если та была недалеко от логова и вполне лёгкая.

Было у неё два местечка, где она заметила спрятавшихся зайчат. Не съела их сразу, а заметила для натаски своего сына на такую дичь. То, что они не уйдут далеко от своих укрытий, она хорошо знала: зайчата прячутся всегда в тех местах, где их оставила мать, и кормят их своим молоком, как правило, не только матери, но и пробегающие рядом случайные зайчихи. Поэтому зайчата сидят в траве крепко и всего боятся, пока не вырастут и не станут самостоятельными.

А эти заячьи дети, которых обнаружил Волчица, пока всего лишь

дети, им ещё рано покидать свои укрытия. Она придёт к ним со своим сыном, когда это ей будет нужно...

Она привела белоухого сыночка к одному из зайчат спрятавшегося в густых зарослях метляка у подножия небольшого пригорка. То, что зайчонок до сих пор сидит там, Волчица определила сразу, разглядев его торчащие ушки среди невысокой травы.

Сейчас она показала сыну, что впереди находится дичь. Для этого стала подходить к зайчишке осторожно, показав, что подкрадывается к кому-то, сделала потяжку. Потом, пошла крадучись, на полусогнутых лапах. Шла и поглядывала на сына, побуждая его делать то же самое. Волчонок её понял и тоже начал неумело, но старательно красться, шагая следом за ней. Шагов за десять до зайчонка Волчица легла на траву. Сын её тоже залёг и, видимо волнуясь, повторял движения матери. Потом Волчица осторожно подошла к сыночку и своей мордой слегка прижала его к земле, как бы побуждая лежать на месте и не двигаться. Сын её понял.

Опять же крадучись, мать обошла зайчонка стороной и, когда между ним и её сыном образовалась прямая линия, поднялась на четыре лапы и открыто пошла на маленького зайца.

Тот какое-то время боялся убежать со своей привычной лёжки, хотя уже воочию видел приближающуюся страшную опасность. Зайчат очень трудно выгнать из укрытия: любое заметное движение может быть смертельным для них. Но волк был

совсем близко, и зайчонок не выдержал и бросился от него наутёк, запрыгал на тоненьких своих, слабеньких ножках. И побежал прямо на волчонка с белым ухом, побежал от огромной и страшной Волчицы.

Та, конечно, в два прыжка догнала бы маленького зайчишку, если бы неправильно среагировал её сын, или промахнулся бы, или же не сообразил, что следует делать в таких случаях.

Но волчий сынок всё правильно сделал. В своём совсем ещё малом возрасте он был уже настоящим представителем волчьей породы. Мать-Природа подсказала ему, как надо действовать.

Он преградил дорогу Зайчонку и всей мощью маленького тельца прыгнул на него и сбил с ног. У зайчонка тоже были зубы, причём острые. И были лапы, тоже сильные. К тому же и белоухий волчонок был едва ли намного крупнее этого маленького зайца, но он был волчьей, хищной породы, и он победил.

Волчий сынок схватил соперника за шею и всей силой маленьких челюстей сдавил её. Он прокусил заячью шею и, кашля попадающей в пасть кровью, сжимал челюсти всё крепче и крепче. Зайчонок затих.

Белоухий сын Самца и Волчицы стоял над ним, оскалив зубки, в яростном азарте схватки, порывисто и шумно дышал.

Мать подошла и, продолжая волчью натаску, сделала движение к убитому зайчонку, как бы намереваясь отнять у сына добычу. Тот в азарте злобно зарычал на мать и прыгнул

в её сторону с оскаленными зубками. Волчица отступила и покорно опустила голову. Она показала сыну, что он прав и что ему надо будет всегда уметь защищаться и никому не отдавать пойманную добычу.

Мать была довольна своим сегодняшним уроком, довольна и сыночком, успешно сдавшим первый экзамен на право быть полноценным волком. Она убедилась, что из волчонка с белым ухом вырастает исправный волк.

* * *

Дни бежали за днями, а Иван Печурин, опытный рыбак и охотник, не мог никак придумать, как же ему справиться с проклятой волчицей? Как добыть её?

Время от времени то из одной, то из другой деревни приходили слухи: там волками загрызена овца, там — телёнок. Была ли это та самая его знакомка, или же нет — определить было трудно. А, значит, устраивать в тех местах охоту с привадой или же облавную охоту было и трудоёмко и бесполезно. Ему нужна была только она — его волчица. Очень уж хотелось Ивану отомстить за загрызенного ею верного и надёжного кобеля Иртыша. Это был вопрос его охотничьей чести.

Печурин давно уже, с самого, считай, детства, изучил и использовал на практике различные приёмы добычи волков.

Издревле люди придумали несколько способов. Самый простой — выследить зверя на тропе, по которой тот выходит на охоту. Эти пути

всегда одни и те же. Охотник просто устраивает засаду около тропы и ждёт.

Второй способ — «с подхода». Охотник подкрадывается к волку, которого увидел в лесу или на поле.

Третий способ — охота на приваде. В местах, где водятся волки, кладётся мясо (часть туши подошедшей коровы или лошади). Промысловики прячутся поодаль и ждут подхода волков.

Способ четвёртый — охота с флажками. Место волчьей лёжки обносится шнуром с закреплёнными на нём красными флажками, через которые серые хищники боятся перепрыгнуть...

Пятый способ — облава. Загонщики идут и гонят спрятавшихся в лесу волков на «номера» — выставленных в ряд стрелков.

Шестой способ — отравленное мясо, седьмой — охота с самолётов и вертолётов.

Иван перебрал все эти варианты и понял: ни один способ не подходит. Ни самолётов, ни вертолётов у него не имеется, все остальные не гарантируют встречу именно с той волчицей. Другие волки ему были не нужны.

Однако была ещё охота с капканами, очень тщательная, умная, и не каждому она под силу, но, если всё правильно сделать, то и результативная. К его досаде, не было у него подходящего для волков — шестого капканьего номера. Те, что оставались в хозяйстве, все мелкие — на куницу да на ондатру, скобы у них слабые. Они не удержат мощного,

сильного зверя. И ни у кого в деревне такого, скорее всего, нет. Надо ехать в Архангельск, прошерстить там охотничьи магазины и охотхозяйства. Но у него пока что не было на это времени.

Иван одно время предпочитал отраву. Разбрасывал за деревней на волчьих подходах отравленные куски мяса. Затем с собакой искал забившихся в лесные дебри дохлых волков. Но получил страшную ругань односельчан. От отравленного мяса сдохли почти все деревенские собаки. Они ведь тоже любили свежее мясо... А хороший промысловик Пашка Маревьянин, у которого от этого погибла самолучшая лайка Норка, чуть не убил его. Пришёл к нему домой и стал махать громадными кулачищами. Крепко повредил Ивану физиономию.

С тех пор Печурин забросил всякие там яды и зауважал охоту на приваде. Волк всегда к ней приходит. Надо только поймать этот момент. Он убил уже четверых...

Теперь таким же образом он пытался добыть и ту волчицу. В местах, где она обитает — а Иван знал эти места — он устраивал засидки. Вёл там всегда крайне осторожно. Но хитрая Волчица не появлялась

Он слышал её, когда сидел и ждал. Сквозь лесные шумы различал её подходы, плавные, осторожные. Доносились до него еле слышимые посвисты втягиваемого носом воздуха — Волчица изучала обстановку. Тихий звук её мягких лап, едва различимо шуршащий в траве, долетал к нему с разных сторон. Но она ни-

когда не подходила к приваде, всегда уходила и вновь растворялась в лесу. Что-то не нравилось ей.

* * *

В лесной глуши, в логове, укрытом под стволом упавшей старой толстой ели, вместе с единственным своим волчонком прячется от людей матёрая Волчица. Здесь нет её погибшего от людей Самца и нет с нею загрызенных собакой детей. Без них Волчице грустно.

По ночам, когда прижавшись к ней, посапывает её единственный детёныш, она долго не может уснуть. Перед закрытыми глазами её многократно и многоцветно появляется умильная морда нежно любящего самца её — Волка. Он нежно вылизывает ей лапы, щёки её, лоб... Мелькают перед ней её деточки, шустрые и ловкие, которые должны были стать волками, но не стали...

Всё возвращаются ей в память страшные картины, когда собака перегрызает спинки её детей. В эти минуты из глаз Волчицы текут слёзы. Она не понимает причины этой немилосердной, древней вражды человека к волкам. Волчица прекрасно знает, что ненавистное отношение волков к людям основано только на их непонятном, постоянном стремлении уничтожить её соплеменников. Встреча любого волка с человеком, у которого в руках имеется палка, означает смерть для волка. Эта давняя война привела к почти поголовной гибели всех волков, которых она знала.

Очень беспокоит её то, что тот охотник, который пришёл тогда к её

семье с собакой, погубившей волчат, опять подбирается к ней и к её детёнышу. То и дело она обнаруживает в округе его следы. Этот запах она теперь хорошо знает... Отвратительный, пахнувший смертью...

В лесу, недалеко от логова, ей встретился аромат лошадиного мяса. Она не пошла к нему сразу, потому что понимала, это может быть очередной человеческой уловкой. Уже много раз в своей жизни встречала она опасные человеческие хитрости. Волчица сделала длинный круг вокруг источника запаха и в самом деле обнаружила входной человеческий след в этот круг. Запах был тот самый! Если бы она подошла к приманке, Охотник бы убил её.

Ей захотелось убежать от этого опасного места, но любопытство взяло верх над осторожностью. Ей сильно захотелось посмотреть, как он выглядит, её враг? Насколько он силён и опасен вблизи? Как он пахнет, когда совсем рядом?...

И Волчица пошла по следам к нему, к человеку, вооружённому смертоносной железной палкой.

Она нашла его по приближающемуся душному запаху, источнику тошнотворной, омерзительной вони, исходящей от потной человеческой плоти. Как же ненавистен для неё был этот дух, много раз ловимый в лесу её чутким носом. Именно такой запах оставил человек, пришедший к её логову с собакой. Это был он!

Человек сидел на бугорке, спрятавшись со стороны мясной приманки, но совершенно открытый

для Волчицы, подкравшейся сзади. Он сидел очень тихо, незаметно для постороннего глаза. Железная палка лежала у него на коленях.

Он ждал её! Волчица это знала. Человек пришёл отомстить за свою собаку, которую она убила.

Он пришёл за ней!

Волчица лежала в траве и глядела на человеческий закрик. Он был голый сейчас, ничем от неё не защищённый, покрытый лишь редкими чёрными волосами, которых колыхал лёгкий ветерок. Волчице понадобилось бы лишь три прыжка, чтобы вцепиться зубами в эту шею, плоть, наполненную кровью. Ей бы ничего не стоило мгновенно изорвать её клыками и убить человеческое существо, принёсшее ей столь много горя!

Волчица с трудом сдержалась, чтобы не прыгнуть. Её остановил лишь страх за своего белоухого волчонка. Человек может неожиданно оглянуться назад и убить её из железной палки. И тогда сынок её тоже погибнет без матери.

И Волчица ушла.

* * *

В город за капканами шестого номера Ивану Печурину всё некогда было съездить. То семужья путина, то горбуша шла, то сенца надо было заготовить на зиму домашней козе Берёзке. Лето — всегда многодольный сезон.

Сейчас стоит сентябрь. Лето с его хлопотами запроходило, но обрушились на Ивана заботы заготовительные. Как ни крути, а грибки-ягодки в

кадушках-палагушках должны быть припасены. На всё на это уходило время, и поездка в город всё оттягивалась. Жена Антонида понимала это и временно ворчанья свои прекратила.

Но тут на семью свалилась новая напасть, которая сломала все графики, и жизнь поневоле побежала по новому, неожиданному направлению.

Козу Берёзку задрал волк.

Бедная, чрезвычайно мирная, сугубо домашняя эта животинка, исправно снабжавшая маленькое семейство свежим молочком, тихонько паслась на длинной привязи недалеко от дома, в полях. Там место людное, на виду у всех, и ни у Ивана, ни у Антониды не было даже мысли, что на козочку может свалиться такая беда. Всего четыре дня назад ей поменяли место выпаса, и Берёзка радостно и вольготно осваивала новую территорию, где был хороший травостой. Коза днями выхаживала привязанная за верёвку к колышку и бодро бляла. У Берёзки было хорошее настроение.

И вдруг посреди белого дня из леса выскочил волк, перегрыз козочке горло и потащил в лес. Проходившие невдалеке две женщины замахали руками, истошно испуганно загалдели и разбежались по сторонам. Крупного волка не остановила даже привязанная к колу верёвка. Он без труда вырвал кол из земли и утащил Берёзку в лес вместе с колом и верёвкой.

Правда, волочащийся по земле кол запутался в кустах ивняка и

крепко застрял в них. Волку пришлось бросить козью тушку прямо у этих кустов. Там её и нашёл Иван.

Посидел он над своей козой и понял: она это! Опять она — Волчица! Почуяла, наверно, около козы его запах и снова начала мстить. Вот и пришла.

Надо решать её скорее, наделает ещё беды, — так решил он.

И дома — тоже концерт. Антониде ревела белугой и топала ногами. Кричала Ивану, что он во всём виноват, если бы «не жевал соплей, то давно бы угрохал эту суку!» Она почему-то сразу же решила, что именно «та маманька — Волчица» режет их с Иваном скотину в отместку за своих зверёнышей:

— Мамка она, дак мамка и есь! Вот и грызёт в ответку.

А по ночам начала прямо-таки приплакивать:

— Убей ты, Ванька, гадюку ету! Сожрёт ведь нас с тобой! Знамо дело...

Иван и сам понимал: в лес теперь не сунешься, прикокнет! Ни грибины, ни ягодины не собрать... Засобирился в город, в Архангельскую заготконтору. Вызнал, что капканы там имеются, какие надо.

* * *

Сентябрь для волка — время сытное. Под каждым кустом можно найти пищу. После весенне-летней благодати развелось в лесу всяческой живности. Молодые утки-несмышлёныши, птичья молодь глухарей, тетеревов, рябчиков, подрастающие кулички... Везде можно без труда

подкормиться. Волчье племя разгуливает по лесам и полям дремотное, с набитой сытью, с лоснящейся шкурой. В эту пору вчерашние птенцы, только-только встав на крыло, почуяв свободу, лёгкость и азарт первых полётов, начинают с восторгом осознавать, что они теперь самостоятельны, и бесшабашно носятся между кустов и деревьев. Они надеются, что в момент опасности их окрепшие крылья легко унесут их от любой беды или угрозы.

Наша Волчица и не ищет их. Она просто трусцой пробегает по лесу и ловит носом запахи. Она распознаёт их множество на гигантских расстояниях. Вот останавливается и поднимает вверх морду. Что-то почуяла. Втягивает в ноздри воздух, замирает... Она словно отчётливо видит, что в полукилometре от неё бродит по земле и шаркает по ветвям, по траве пахучими молодыми крыльями тетеревиный выводок, народившийся этой весной и уже подростый. И оставляет за собой запах, чрезвычайно нежный аромат свежего молодого мяса... И запах этот летит к ней...

Дальше всё очень просто. Волчица также трусцой бежит на этот зовущий молодой аромат. Когда становится понятно, что молодые тетерева уже совсем близко, она ложится на землю и начинает подкрадываться. Осторожно поднимает из травы свою морду и выбирает того, который поближе. Она подкрадывается из-за куста, или другого укрытия, из-за того, что ближе и надежнее... Секунду готовится к прыжку...

У молодого тетерева совсем нет шансов на спасение.

Белоухий сын Волчицы всё взро- слел и очень стремился пойти с ма- терью на очередную охоту. Но Вол- чица не брала его с собой. У сына были пока что слабые ножки, чтобы бегать по лесным чащобам и прео- долевать огромные расстояния, ко- торые пробегала за охотничий день она, его мать.

И волчонок иногда сутками сидел в логове один-одинёшенек, охотил- ся на птичек и мышей, разглядывал небо и лес.

Он набирался сил.

Это были его последние дни спо- койной и размеренной жизни вдво- ём с матерью — Волчицей.

* * *

Иван выбирал капкан на складе заготконторы. Заведующая складом, давняя приятельница Печурина Ни- нель Шорникова, грубая и властная тётка, привыкшая иметь дело с да- леко не интеллигентной публикой — охотниками, разговаривала с ним в своей манере:

— Ты, Ванька, будто лифчик жёнке своей подбираешь. Всё тебе не то, да не это. Надёжны капканы, тебе говорю. А не веришь, дак сунь пальчик-то свой, сунь, проверь, как оно работает. Или чего другое запихай. Сможь, аль нет выташ- шить-то?

Нинель щурилась и широко улы- балась, довольная своей шуткой. Де- монстрировала крупные, неровные, тронутые желтизной зубы. Иван по- нимал: это у неё от курева. И рад был

поддержать старую знакомку в разу- хабистой трепотне:

— Чего-друго Тоне моей ешшо понадобицца. А можа и нам с тобой когда-никогда, Нинушка, всяко ведь быват...

Иван хохотнул и маленько ущип- нул Нинель на жирный бочок.

Он брал один за другим с полок капканы, трогал пружины, поглажи- вал скобы, интересовался:

— Нина, а с зубчиками имеются у тебя? А то вдруг не удержит?

Нинель хихикнула и глянула на Ивана не как на известного на всю область промысловика, а будто на малохольного начинающего при- дурка.

— С зубчатой поверхностью скоб, или как ты говоришь, с зубчиками, имеются. Только на медведя они. Ты, Ваня чего, на его пойдёшь? Токо у тебя кишка тонка ишшо. Он тебя капканом этим, с зубчиками, по мордам-то и настучит.

И опять хохотнула, шутит она так, складская душа.

— Вот бери седьмой номер, в са- мый раз для волка. Вон, Лаврентий Васильевич прошлый раз брал, Пой- мал две штуки. Грит, хорошо срабо- тал капкан. Аж медаль получил «За трудовую доблесть». За их и зарабо- тал, за волков.

— Лаврентий бывалый мужик, а я первый раз капканами...

Иван взял пять штук. И Нинель, старая знакомка, его приободрила:

— Да не робей ты, Ванька! А пой- машь, дак пол-литры неси! Посидим да посудачим...

И она улыбнулась Ивану Печури-

ну добродушно и заманчиво, будто звала его в свои тайные складские тенеты, тёплые, сокровенные уголки, скрытые от любопытных глаз. Хорошо улыбнулась...

Весь конец сентября и начало октября Иван искал место, куда бы поставить капканы. Он примерно знал уже, где обитает Волчица — в тёмном лесном углу Северьяновой Паленины, рядышком с Оксеньиным ручьём, где нет тропинок, куда почти не заходят люди.

Но это было всё, что Иван мог предполагать о местожительстве Волчицы. Где выставлять капканы в таких условиях? Требовалось понимание, где лежат её тропы, где она ходит. Необходим был снег, первая пороша, когда все следы новые, когда можно читать карту следов свободно и точно.

* * *

Вовсю шагал по земле октябрь, но снега всё не было. И только к десятым числам начались первые утренние морозцы, схватившие ледяной корочкой лесные лужицы. Но не трогали они пока поверхность речек и ручьёв. Впрочем, и первый ледок всегда к полудню растворялся во всеобщей осенней размытости леса.

Первый снег выпал как раз на Покров, четырнадцатого октября. Облепил ватными хлопьями деревья, ровными белоснежными покрывалами укрыл всю землю во всю её ширь.

Для Ивана Печурина это был праздник! С раннего утра он был готов к выходу в лес. Рюкзак с лёгкой

провизией — едой на день был заготовлен загодя. Знал он, что вот-вот природа подарит снег!

Рюкзак в охапку, ружьё — с гвоздями, патронташ — на пояс. Патроны в нём подобраны тоже загодя. Мелкая дробь на птицу, картечь на волка и, ежели мишка на дороге встанет, и для него — пожалуйста: пара круглых пуль припасена.

Кое-как рассветало, и лес окрашивался в розовый цвет восходящего на востоке солнца, разбрасывавшего розовую краску на высокие верхушки ёлок. На всей белоснежной скатерти только что выпавшего снега постепенно вырисовывались следы птиц и зверья, гулявшего в лесу в ночное и утреннее время.

Первая пороша в лесной чащобе — это удивительная, увлекательнейшая книга для любого охотника. Иван всегда читал её упоённо, с великим наслаждением. Тут прыгала и лузгала сосновые шишки белка, здесь заяц петляет перед уходом на дневную спячку, там прошёл степенным шагом крупный лось...

Волчьих следов нигде не было. Но тут, вблизи от деревни, он и не ожидал их увидеть. Иван шагал в сторону Северьяновой Паленины — там место её обитания.

Печурин зашёл к Паленине со стороны дующего в лицо ветра, и дальше пошёл в этом направлении, внимательно разглядывая снежную скатерть, раскинувшуюся вокруг.

След Волчицы появился в самом центре Паленины. Она гигантскими махами гналась за лисицей. Иван не стал проверять, догнала ли Волчица

её. Он просто развернулся и ушёл домой. Дальше нельзя было шагать и оставлять свои запахи. Волчица не должна знать, что он был здесь.

То, что это был след именно той самой Волчицы, Печурин не сомневался: первоначальное логово, где Иртыш загрыз волчат, находилось отсюда не так уж далеко. У волков всегда запасное укрытие находится довольно близко от первого. Это для того, чтобы можно было быстрее перепрыгнуть волчат в случае опасности. Следы других волков здесь тоже исключены: Волчица безжалостно прогоняет всех, кто может повредить её детёнышам.

Он вернулся домой чрезвычайно довольным собой и результатами сегодняшнего дня. Он теперь знает, в какие места устанавливать свои капканы. Иван подошёл к шкафчику, достал из него початую бутылку водки и налил половину гранёного стакана. Выпил и крикнул. Закусывать не стал — не хотел заглушать радость. Занюхал хлебной корочкой.

А жена его Антонида, видя такое смелое поведение супруга, перечить ему не стала. Она поняла, что Иван крепко сегодня продвинулся в деле изжития со света этой проклятой вражины, окаянной Волчицы.

* * *

К постановке капкана Иван Печурин отнёсся с необычайной для него человека, не лишённого некоторого разгильдяйства, тщательностью. Он принёс с лесной окраинки наломанных можжевельных, рябиновых и берёзовых веток, положил их в боль-

шой котёл, налил воды и в костре на морском берегу всё это прокипятил. Получился густой, пахнущий лесом отвар. Потом в отвар этот уложил капканы, маскировочный свой халат, носки, перчатки и даже кепку. Долго опять кипятил всю эту амуницию. Так на одежде и на вещах уничтожается человеческий запах перед охотой на хитрое лесное зверьё.

На следующее утро дополнительно вытер тряпкой, вымоченной в том же растворе, своё ружьё и сапоги.

— Всё, — сказал он жене, — теперь, кажись, всё.

Татьяна напоила его чаем и перебрестила.

Он положил в рюкзак завернутую в целлофан тушку ягнёнка, сдохшего по какой-то причине у соседей и выклянченного Иваном за невеликую плату — литровую бутылку браги. Зато сладкую и ядрёную — Антонида слыла великой мастерицей по подпольному производству этого напитка.

И направился в Северьянову Паленину.

Он подходил к месту осторожно и тихо, плавно переступая по лёгкой снежной замяти. Опять ему встретился волчий след, и Иван решил дальше не ходить: есть угроза, что сами видимые на снегу человеческие следы, сам их рисунок, могут Волчицу спугнуть, и она перестанет ходить по этим местам.

Иван выбрал место между двух небольших пригорков. Следы показывали, что в образовавшуюся узкую проходимость много обитателей леса. Был там и старый след круп-

ного волка. Тут охотник и выставил свои капканы.

Посреди холмиков он слегка прикопал в снег трупик ягнёнка. Затем положил на землю и коленками — одну за другой — придавил капканьи пружины, установил капканы на боевой взвод. Деревянной лопаткой он на равном расстоянии от привады по кругу выкопал для каждого капкана ямки в снегу так, чтобы показала трава: она будет перебивать все остальные запахи. Потом забил в землю вокруг привады три длинных штыря с «ушками» на концах, тоже побывавших в лесном отваре. Забил по самый дёрн и для крепости, и для маскировки. Прикрепил к «ушкам» стальные «карабины» с прикреплёнными к ним концами тросиков, пристёгнутых к капканьим скобам. Иван знал, что это надёжная снасть! Ещё раз осмотрел поставленные капканы. Как будто, всё нормально.

Капканы стоят!

Он достал принесённый с собой берёзовый веник и тщательно замёл свои наброды, аккуратно выровнял снег над капканами. Наклонился и посмотрел сбоку — нет ли бугорков? Знал он, что волки опасаются невесть откуда появившихся в их углубьях ямок и холмиков.

Уходя, оглянулся на свою работу и подумал:

«Вот, пускай она теперича не попадёт в мои капканчики! Попадё-ёт, куды денечче!»

* * *

Волчица рыскала по лесу в поисках пропитания. Её волчонок давно

уже грыз мясо и кости, но и не забывал высасывать из неё молоко. Это отнимало у неё силы. Для их восстановления требовалась всё новая пища.

Этот запах молодой овцы она почуяла издалека. Откуда он взялся в глухом лесу, в её охотничьих углубьях? Ей было всё равно, волки не спрашивают, откуда в лесу появляются те или иные звери и птицы. Им важно только одно: чтобы они появлялись, и чтобы их было как можно больше. Волки нападают на всех появившихся, загрызают и поедают. В этом залог выживания любого лесного хищника.

Она продвигалась против ветра, который доносил до неё этот чудесный запах ребёнка овцы, и скоро вышла к небольшому мху, давно ей хорошо знакомому. Через недолгое время обнаружила она и источник запаха: аромат исходил из-под снега. И был он совсем рядом. До него оставалось несколько шагов. Что-то отталкивало её от этого места, волчье чутьё предупреждало её и подсказывало, что ей не следует близко подходить к этому запаху. Но голод был силён, а там, внутри, лежало что-то нежно-пахучее, что раздражало её обоняние.

Она осторожно подкралась сбоку, внимательно и долго высматривала окрестности: нет ли где-то чего-нибудь настораживающего и опасного?

Всё было, как всегда.

Тогда волчица обошла заинтересовавшее её место по широкому кругу, обзрела окрестность в поисках враждебных следов и запахов и

опять не нашла ничего, что бы могло представлять для неё угрозу.

Она решилась! Волчица настороженно подошла к источнику запаха, ещё раз огляделась вокруг, постояла, послушала доносящиеся отовсюду лесные звуки.

И шагнула вперёд.

Что-то оглушительно щёлкнуло у неё под правой передней лапой. Волчицу пронзила сильнейшая, острая боль. Она со всей силы рванулась назад и услышала, как в лапе хрустнула кость.

Нога её оказалась в каких-то тисках, из которых она никак не могла её освободить. Волчица извивалась в надежде выдернуть её из этих тисков, и каждое её движение, каждый рывок сопровождались страшной, нестерпимой болью. В своих страданиях она судорожно извивалась, лаяла и выла, кричала и плакала. Она грызла сталь капкана, зубы её крошились, но сталь не поддавалась.

Волчица долго сражалась за свою жизнь. Наконец она обессилела и упала в снег. Она лежала на окровавленной, измятой снежной пороше, измочаленная в неравной борьбе с человеческим орудием волчьей смерти — капканом. Из её глаз текли слёзы и растопляли мягкий снег возле головы. Наконец, она с трудом поднялась на ноги. Ей тяжело было подняться, потому что искромсанная, израненная нога не держала её тела, всё подгибалась она, всё подгибалась. От этой боли Волчица теряла сознание, заваливалась на бок и падала.

Ей тяжело далось это решение, но волки сражаются за свою жизнь до

конца. Она впилась зубами в свою ногу и, воя от боли, перегрызла её. Окровавленный конец лапы с острыми когтями и мягкими подушечками остался лежать в снегу, а Волчица, немилосердно страдая, взлаивая от боли, поковыляла на трёх лапах к своему логову.

Белоухий волчонок, её сыночек, как всегда приветствовал её радостным повизгиванием, звал её поиграть с ним, но мать не ответила ему лаской, а только с тяжёлым стоном упала возле норы. Потом его мать так и не поднялась. Она долго вылизывала обрубок своей ноги, но та только больше и больше воспалилась и всё сильнее мучила Волчицу.

Сынок её как мог, старался подержать свою мать. Он охотился на грызунов — мышей и кротов. Однажды поймал белку, неосторожно заскочившую на его территорию. Все эти трофеи приносил Волчице. Но она едва-едва притрагивалась к еде.

У неё началось и стало обостряться заражение крови. Развилась гангрена. Наконец Волчица поняла, что ей осталось жить совсем недолго.

Все животные — и лесные, и домашние — знают срок своей смерти. Перед самым смертным часом они уходят от своих хозяев или диких сородичей в лесные тайные места, или прячутся в укромных углах, скрытых от человеческих глаз. Волчица тоже поняла, что её час пришёл. Это случилось тёмной октябрьской ночью. Она с превеликим трудом поднялась на ноги, шатаясь из стороны в сторону, подошла к своему сыночку, лизнула на прощание его мордочку

и ушла от него навсегда.

Волчица ушла недалеко, потому что далеко ей было уже не уйти. Ковыляя на трёх лапах, пошатываясь от боли, сковавшей её совсем ещё недавно сильное тело, неровно ступая, она перешла через Оксеньин ручей, прошла вглубь леса и наконец забилась в чащобу кустов, выстроившихся вдоль старой, заросшей травой пожни, сейчас занесённой снегом.

Там и нашла себе последний приют совсем ещё не старая, хитрая и умная, матёрая Волчица. И Лес, старый добрый друг и защитник, который она любила, в котором жила, снова, как и в детстве, дал ей прибежище и покой.

На этот раз последний.

* * *

А Иван Печурин не находил себе места. Он ведь реально и конкретно добыл матёрого волка — судя по размерам отгрызенной лапы, так оно и было. И вот, пожалуйста! Где он, этот матёрый? Надо ж так, лапу себе отгрыз и где-то спрятался. Как найти? Три дня валил снег, лапу и ту еле нашёл. Взятся искать её лишь потому, что сработал капкан, а такой капкан зря не щёлкает — что-то должно было остаться. Но что тут разыщешь в такой снежной замяти?

Жена Антонида выступала в своём духе — пилила и бурчала:

— Ничего-то, Ванька, доверить тебе нельзя, всё-то у тебя из рук упрыгиват. Волчицу и ту упустил, хошь и без ноги была. Ускакала от тебя без ноги, безрукого. Она собач-

ку съела нашу, а ты упустил... Хошь бы деньги каки на ей заработал, дак нет!

Иван вяло сопротивлялся, возражал, как мог, хотя против его жены это было бесполезно. Ты ей слово, а она пятнадцать, да все в мишень, в десятку.

— А почему ты, Тоня, считаешь, што волчица была ето? Можа, волк какой проходной?

— Ну-ко, вспомни-ко, где Иртыш наш волчат-то сгрёб? Не в тех ли местах?

— Ну да, там...

— У их што, двадцать мамаш было разве, одна и была. Она и ходила там, окаянна, рыскала. Тебе и попала...

* * *

Белоухий волчонок проснулся и не нашёл в логове мать. Поискал, обошёл всё вокруг, нет её нигде!

В последнее время Волчица, сильно страдающая от боли, всё же была рядом с ним. Сын, как мог, ухаживал за ней, приносил ей пищу, которую мог добыть сам, вылизывал обрубок ноги. Волчица с трудом поднимала голову и в благодарность тоже лизала ему мордочку горячим, сухим языком. Но сегодня она почему-то покинула его и пропала. Волчонку было страшно оставаться одному в холодном, сыром и тёмном лесу. Как и положено волкам, разыскивающим друг друга, он сделал вокруг логова большой круг и отыскал след своей матери, уходящий вдаль. Спотыкаясь, постоянно заваливаясь в рыхлый снег то на один бок, то на

другой, он побрёл по этому следу на поиски матери. Маленькие его ножки не доставали до твёрдого грунта, и шагать волчонку было трудно. Материнский след привёл его к широкой водной преграде. Здесь он бывал иногда раньше: мать приводила его в эти места, когда они гуляли с ней по лесу. В те дни он был в безопасности. Теперь он остался один-одинёшенек, и никто не подскажет ему и не покажет, что же делать дальше? След матери ушёл в воду и вёл на другой берег. Значит, и ему надо сделать то же самое.

И маленький волк ступил в воду.

Лапки его сразу же перестали доставать до дна. Плавать он не умел, и начал бесполезно молотить воду маленькими ножками. Течение понесло его вниз. На повороте ручья волчонку всё же удалось прибахтаться к другому берегу. Его занесло в висящие над водой и плавающие ветви облепившего ручей ивняка.

В этих ветках он запутался и начал громко повизгивать, стал звать мать на помощь. Так он барахтался, пока какая-то грубая сила не взяла его за шиворот и не бросила в тёмное, тесное пространство, пахнущее страшными запахами врага всех волков — Человека.

* * *

Иван решил, что, в самом деле, надо бы поискать безногую волчицу. Далеко уйти она не сможет — всё же без ноги осталась! Скорее всего, отлёживается в своём логове, зализывает рану, если не сдохла, конечно. Звери часто умирают в таких случаях

от заражения крови.

И он пошёл на поиски.

Идти было легко, потому как во второй половине октября снегов выпало пока что мало. Тем более, началась оттепель, выпавший на прошлой неделе снег малость уже подтаял, был рыхл и не глубок. Он скоро дошёл до места, где стоял капкан, постоял рядышком, поразмышлял, куда могла убрести искалеченная волчица? И решил искать её где-нибудь возле ручья, где, по его предположению, находилось её укрытие: волки всегда живут недалеко от ручьёв. Пресная вода им тоже нужна, как и всем обитателям земли. Иван взял направление на ручей и примерно через полчаса вышел к нему. Оксеньин ручей, обычно шумный, поросший цветами и кустами, выглядел сейчас умиротворённо. Он потихоньку бежал между поникших ветвей ивняка, с которых свисали комки мокрого снега. Вода в нём, окаймлённая тёмными осенними деревьями, отсвечивала сталью и свинцом.

След волчицы, появившийся со стороны леса, оказался перед ним настолько неожиданно, что Иван присел и, удивлённо вытаращив глаза, уставился на него. Даже пощупал вмятины лап на снегу. Правда ли это она?

Да, она. Ковыляет на трёх ногах, шажки частые, даже очень. Значит брела еле-еле, усталая и измученная.

Удивляться есть чему — никогда к Ивану удача не приходила столь быстро. Он всегда долго разыскивал её, ходил за ней, выслеживал, нащупы-

вал, а она — ветреная девка — кочевряжилась вечно, да отворачивала от него свою физиономию. А тут, вот она! Сама явилась!

Хорошие деньги он получит. А заодно и закрепит за собой славу знатного охотника. Добыть волчицу — мечта любого промысловика.

«Так тебе и надо! — размышлял Иван. — Это тебе за Иртыша.» Он перезарядил двухстволку на картечь с четырьмя нулями. «В самый раз», — подумал. Взял ружьё наизготовку и двинулся по следу.

Когда волчица переходила ручей, течение отнесло её метра на три в сторону.

«Совсем слабая» — определил Печурин.

Он разогнул голенища болотников и перебрался на другой берег. Уже поднялся из воды, как услышал чьи-то всхлипывания.

«Ребёнок!» — первое, что пришло в голову. — «Какой ребёнок, откуда здесь?»

И увидел: под самым берегом в кустах кто-то барахтался и громко повизгивал.

Держась одной рукой за основание куста, Иван спустился как мог низко к воде. Другой рукой пошарил в густых ветвях и наткнулся на что-то мягкое и шерстяное. В следующую секунду это существо больно цапнуло его за палец. Печурин вскрикнул от неожиданности, однако же выволок из зарослей вполне уже немаленькое, абсолютно мокрое серо-чёрное существо, грозно пощенив рычащее, видно, что агрессивное.

Иван выбрался на берег, поднялся на ноги и выставил перед собой зверька, которого держал в руках. Перед ним во всей красе предстал волчонок, который скалил на своего спасителя острые зубки, норовил укусить и другой палец. Левое ухо у него было совершенно белое.

Но Иван не был на него сердит. Вместе с находкой этого лютого малыша приплыла к нему ни с того, ни с сего немалая денежка. В заготконторе волчонок идёт, как взрослый волк. Поэтому Печурин подмигнул зверьку и растянул синие от прохлады губы в кривоватой улыбке, пробормотал почти ласково:

— Да, да-а! Давай, не крысся на меня, не крысся. А то вон кокну башку твою о приклад. Узнашь тогда...

Он развязал рюкзак левой свободной рукой, распахнул его верх и бросил в него волчонка. Тот сразу же затих. С ружьём в руках, с рюкзаком на плечах Иван двинулся дальше по слегка заметному следу волчицы. Размышлял он так: если у зверины этой сохранились какие-то силы, она сможет напасть в любой момент из любого куста или дерева. Волки не любят, когда их преследуют. И держал дробовик крепко, обеими руками перед собой, стволом вперёд. След вышел к большой лесной поляне, к густому кустарнику, протянувшись вдоль неё, свернул прямо в этот кустарник.

Всё это было опасно. Волчица вполне может прятаться в этой чащобе и выскочить неожиданно. Залегла, или прошла ходом через кусты? Надо бы проверить.

Он свернул вправо от кустов, пошёл обходить их стороной. Пройдя метров сто пятьдесят, решил проверить, ушла ли отсюда? Или всё же легла, прячется... Иван пересёк линию кустарника, прошёлся вдоль него в обратную сторону. Выходного следа не было. Значит, лежит!

Но понимал он: теперь волчица загнана в угол, будет до конца биться за свою жизнь. Сейчас она особенно страшна.

Держа приклад у плеча, взведя курки, он был готов стрелять в любую секунду. В таком положении, потихоньку он двигался вдоль кустарника, внимательно высматривал все подозрительные места, бросал взгляд на каждое качание веток.

Внутри широкого, разлапистого можжевельного куста темнело что-то большое и серое. Может, это она затаилась? Полушажками, трусцой, держа мушку ружья на сером утолщении, начал приближаться к нему. Подойдя метров на пятнадцать, разглядел: лежит большой серый зверь. Мех его был всклокочен и растрёпан, колыхался на ветру.

Так-то вот лежащий зверь не может быть живым!

«Сдохла, зараза!» — возбуждённо прикинул Иван и стал приближаться увереннее. Когда оказался в трёх шагах, понял: волчица действительно мертва. Вид её был страшен и теперь — полускаленная пасть, вывалившийся из-за острых, длинных, жёлтых клыков сине-красный язык... Она лежала, вытянувшись на взбитом, смешанном с землёй снегу. Видно, билась в судорогах перед

смертью.

Печурин стоял над ней и размышлял: что теперь делать? Как доставить домой такую тушу? Такую громадину ему одному домой не унести — килограмм шестьдесят весу. Лошади с санями сюда не пройдёт — лесная глушь, завалы, ручьи-овраги... Снять шкуру, что ли? Хотя волчица уже заоченела, застыла и скрючилась на ночном морозе. Свежевать будет трудно.

Ну, трудно, не трудно, шкуру снять надо! Отнести домой только её — это совсем другой вес. А в заготовительной конторе шкура всегда идёт, как доказательство добычи самого зверя.

Тяжело далось Ивану Печурину это свежевание. Прилипшая к туше шкура отделялась с трудом, руки коченели. Неправильно резанул — и вот тебе прорез, а это — минус денежки. Прокопался часа полтора. Свернул, как мог, аккуратно и компактно, засунул в рюкзак. Положил прямо на волчонка. А что ему сделается? В лесу он и не такое терпел.

* * *

Антонида встретила радостно:

— Ну, Ваня, всё! Наконец за ум мужик мой взялся. Таперича Люське обновки купим. Зиму девке в городи зимовать, надо чтоб красавица была! Парня может сышшет путного под его дело. Надо же: два волка сразу!

Они пошли в сарай, половину которого занимал сеновал, другую — всяческий скарб, что в хозяйстве сгодиться может. На этой, наполовину пустой территории они стали до-

ставать содержимое рюкзака.

Волчонок оказался почему-то на самом верху, прямо под завязкой. Каким-то образом вылез из-под шкуры. И, как только Иван развязал мешок и сунул вовнутрь руку, тот его опять цапанул. Только теперь за указательный палец. Иван взвыл: особенно неприятно, когда просовываешь куда-нибудь, в незнакомое место, руку, а там внутри, в потаённых углах, тебя за палец хватают. Он выдернул руку и запрыгал перед Антонидой с вытаращенными глазами. Следом серо-чёрной тенью выпорхнул зверёк, как-то быстро сориентировался и шмыгнул под огородную тележку, что на двух колёсах стояла в углу. Иван заорал:

— Счас зашибу змеёныша!

И рванул за ним. Отшвырнул телегу в сторону. Волчонок тем временем забежал за борону, притулённую к стене, Печурин откинул и её. Но маленькая животинка кинулась ему под ноги, промелькнула между ними и спряталась за Антонидой, стоявшей у входа в сарай. Иван со свирепой физиономией бросился к жене, но та, вдруг захохотавшая и ни с того, ни с сего, разудалая, вдруг загородила волчонка и решительно заявила:

— Остынь, Ванька, ну-ко остынь! Озверел-то чё?

— Не вишь, палец он мне отгрыз!

— Да вон он твой палец. Кровит только. Подумашь, кровит!

И она прометчиво вознамерилась поднять щечочка на руки, но еле успела их отдёргнуть. Зубки зверёныша клацкнули прямо перед

пальцами, а сам он рванул к противоположной стене и спрятался за листом фанеры, прислонённым к ней. Тут Иванова жена, вместо того, чтобы рассердиться, принялась вдруг опять хохотать.

— Вот шельма какая, надо же, шельма! — умилилась она.

Кто поймёт этих женщин? Сейчас так, а через секунду уже совсем по-другому. И деньги ей уже не нужны, и девка ихняя пускай без обновки ходит...

— Вот умора-та, Ванька! — высказывала она свой восторг. — Больно шустрой он, етот парень.

И категорически запретила мужу убивать волчонка.

— Ты, Тоня, в своём уме? — пытался образумить её Иван. — Хошь волка в дому держать, дак он тогда задаст тебе килограмм пряников. Нас с тобой и сожрёт первыми, гад. Хряпнет, да и всё!

— Давай уж подрастим маленько, а там и поглядим, чего из него завывлезат. Интересно ведь... Кокнуть-то всегда можно...

— Интересно ей! Чего из его вылезти может? Волчара и вылезет... Схамкат всех...

Потом, уже за чаем, супруги рассуждали:

— Как звать-то будем зверька этого? Будет жить с нами, дак и называть его надо будет кем-то.

— А давай назовём Белоушком. Видишь, Ваня, ухо белое у него одно. На том и порешили.

Белоушко был совсем ещё ма-

леньким, чтобы чего-нибудь понимать. Нежно любимая им мать Волчица, и окружающий мир, до сей поры понятный и осмысленный, вдруг стал чужим и опасным. Предпринятые им попытки вернуть тот прежний мир, не увенчались успехом. Исчезли все, с кем он начинал свою жизнь — его отец, братья и сёстры. Теперь вот и его мама, с которой было всегда тепло, сытно и безопасно.

Поиски матери привели его в западню, в ситуацию, в которой стало совсем страшно. Сначала он едва не утонул, потом оказался в тесном и вонючем пространстве, из которого не было выхода. Самым омерзительным было для волчонка то, что он попал в руки смертельного врага всех волков — Человека, которого так боялись его родители, от которого исходил тот самый ужасный из запахов — запах человечины. Все волки знают: близость его очень часто означает гибель!

Его хитрости, умения и опыта в отсутствии матери не хватило для того, чтобы не попасть Человеку в руки. Тот оказался умнее и проворнее и взял Белоушка в плен.

В самом начале, когда он оказался в мешке, Белоушко сильно обрадовался тому, что рядом был родной до помутнения запах — запах матери, а значит, безопасности. Он прятался в шерсти, которая навалилась на него сверху и сильно придавила. Он был рад этой громоздкой тяжести — словно мать вернулась к нему и оказалась рядом. Но вскоре к родному материнскому запаху примешался

не прочувствованный сразу кровавой дух, удушливый, смертельный... Запах матери и запах смерти смешались... Это напугало его, волчонку захотелось поскорее выбраться отсюда, убежать от страшного места, где находилась материнская смерть, уйти в родную стихию, в лес. Он стал изо всех сил барахтаться, пробираться наверх...

Белоушко был чрезвычайно напуган и тогда, когда люди освободили его из тесного и душного пространства. Он сразу понял, что они захотели убить его и поэтому гонялись за ним в незнакомом человеческом жилище, где совсем не было лесных запахов, а стоял только омерзительный, чужой дух сухого дерева, залапанного человеческими руками, грязной сухой травы и замызганной кожи. Люди почему-то не убили его, а заставили прятаться среди вонючих предметов, где потом быстро его находили и опять бегали за ним.

В конце концов люди ушли и оставили Белоушка сидеть в укромном уголке — перепуганного, трясущегося от страха и одиночества.

Волчонок понимал, что его скоро убьют, потому что — и это знает всё волчье племя — основной задачей людей является убийство волков. Он сидел под старинными сломанными шалагами, пахнущими древностью и кисловатым тряпьём, скулил всю ночь. И плакал оттого, что рядом нет мамы, с которой не было бы так страшно и одиноко.

Ветер октября сдул с деревьев

последние, самые живые листья, до последнего цеплявшиеся за усыхающие ветви, а остатки улетающих на юг лесных птиц с жадностью, наперегонки друг с другом, выклевали с рябин уже совсем редкие пучки скукоженных от морозов ягод. Только никуда не торопящиеся лесные сороки да сойки бродили по кучкам опавших листьев, без усталости ворошили их когтистыми лапками и выковыривали пригревшихся червяков и не уснувших пока что жучков.

Лес опустел. И затих. Лишь неунывающие барабанщики — пёстрые дятлы, словно соревнуясь друг с другом, выдалбливали на высохших деревьях ритмические мелодии вступившей в свои права осени.

А затем пошли завывать по холодному поднебесью зимние ветра, протяжные и гулкие. Они трубили в высокие небесные трубы и кричали на весь белый свет, что принесли природе и людям синее небо и голубые длинные морозы. В лесу пошёл трескоток застывающих деревьев. Это взрывалась оставшаяся в стволах замерзающая вода.

Наконец, с пришедшими холодами всё земное пространство покрылось зимними белыми одеждами. Прибрёл откуда-то и расселся посреди лесов и полей старичок в тёплой шубке — Дедушка Мороз. И всё подчинил себе.

* * *

Белоушко жил у Ивана и Антонида в хозяйском большом сарае. Первоначальные страхи людей, люд-

ского жилища у него мало-помалу ушли, и потихоньку он привык к новой жизни. Спал он на старом ватном одеяле, сверху которого всегда лежала охапка сена, заботливо брошенная Антонидой. Спальное место было устроено в углу напротив входной двери. Это чтобы волчонка не продули сквозняки, вольготно проникающие сквозь дверные щели.

Хозяева его добротной кормили. Еда приносилась со скотного двора — там всегда имелось мясо на выброс — падёж скота случается в любом большом хозяйстве. Белоушко поэтому быстро вырастал и к восьми месяцам вытянулся во вполне оформившегося молодого волка. К себе никого не подпускал, кроме Антониды. Та приходила в сарай, ставила ему миску с едой и потихоньку отходила в сторонку, садилась на стульчик и сидела-посиживала, разглядывала, как он ест.

Белоушко ел, потом садился рядом с миской и тоже глядел на свою хозяйку. В эти моменты Антонида начинала с ним разговор. Рассказывала о себе, о муже Иване, о своих родных, о жизни. О том, какой у неё хороший супруг Иван Федотович Печурин.

— Не пьюшкой он, Ванька мой, свезло мне, нечего сказать. А ты, Белоушко, зря с им не ладишь. Ты, это, ты полюби его, как я, дак и будет промежду вами добро-то отношенье. Это ведь хорошо, когда по-доброму всё... А он, Иван-то, худого тебе не сде-елат!

Белоушко маленько переваливался с боку на бок, внимательно

слушал и прядал длинными ушами. По всему было видно, что он уважал Антонида и признавал в ней хозяйку. Только ей он позволял приблизиться к нему, да и то не близко, а так, метра на три-четыре. Если она перешагивала невидимую чёрту, он рычал и отскакивал в сторону. Но не кусался. Антонида его не боялась.

Ивана он не то, чтобы невлюбил, просто держал на расстоянии и всё. А Иван и не пытался с ним любезничать, понимал, что Белоушко может и цапнуть. Волк — он волк и есть! Цацкаться не будет.

Однажды — уже в ноябре это было — волчонок совершил попытку побега.

Он сделал подкоп под стеной и выбрался на волю. Еле жив остался: на него тут же налетели деревенские собаки, которые без устали, поочередно дежурили у сарая, из которого доносился волчий запах. Не дали убежать в лес, прижали к стенке, остервенело лаяли и хватили за бока, за лапы, буквально грызли молодого волка. А тому — куда там отбиться от озверевшей собачьей стаи — выжить бы в смертельной схватке! Собаки со всей деревни налетали ещё и ещё. Весь истрёпанный, покусанный, крепко побитый, он еле-еле успел нырнуть обратно в подкоп. Одна резвая собачонка в азарте бросилась за ним, сунулась под стенку... Но, как только морда её оказалась внутри сарая, Белоушко буквально изгрыз эту морду и пытался затащить собаку в сарай, чтобы там и убить её. Но та напрягла все собачьи силы,

упёрлась всеми лапами в стенку и в землю и всё же уползла обратно. Из-за стены Белоушко долго слышал её жалобный вой.

На этот несусветный собачий лай и стоны прибежала из деревни Антонида. Палками разогнала собак и заскочила в сарай.

Белоушко лежал на полу весь в крови. Обессилевший, он позволил ей смазать и перевязать ему раны, смыть кровь... Лежал, стонал и не поднимал головы. После этого случая Антонида стала донимать мужа:

— Надо бы, Ваня, отпустить нашего волчика на волю.

— А чего, сдавать-то его не будем? — наивно поинтересовался муж.

— Куда ет сдавать?

— В заготконтору, куда. Сама ведь требовала: деньги нужны для дочки.

Антонида зачем-то пошла в угол и взяла в руку веник.

— Ты, Тоня, зачем ето, зачем тебе?

— А я чичас по башке как настучу тебе этой метёлкой! Ты чего, Белоушка нашего убить хошь, дак я сама тебя прибью тогда! Ишь, чего вздумал!

С Антонидой ругаться — беда одна! Убить не убьёт, но рожу покалечит сильно. Это уж точно!

— Ну, не надо, дак и чего? Не надо, значит и ладно, как лучше я ведь хочу...

— Он как дитятко родно стал мне, понимаешь ты, аль нет! Сиротиночка...

Потом, недели через две, раны у волчонка затянулись и он совсем окреп, стал опять резв и силён. Иван с Антонидой последний раз накор-

мили его и ранним-ранним утром, с первым проклюнувшимся на востоке светом, когда в деревне все ещё спали и не лаяли собаки, они открыли дверь в сарай.

Они стояли за дверьми рядышком, чуть дыша, а их волк Белоушко потихоньку, нерешительно, насто-роженно оглядываясь по сторонам, вышел из двери и замер. Наверное, он не верил людям, что его вот так, запросто, отпускают на свободу. Наверное, ждал какого-нибудь подвоха. Но всё было буднично и обычно. Рядом стояла Антонида, которой он доверял.

А впереди висело и лежало, ждало его Пространство Свободы, одетое в снежные цвета.

И он сделал шаг в это пространство. Оглянулся на мгновение на людей, потом отвернулся в сторону леса, где его ждал Его Мир, и помчался к нему. В мир своих предков.

Иван и Антонида сквозь сумрачную утреннюю хмарь разглядели, как на опушке, перед самым лесом Белоушко вдруг остановился и оглянулся. На них, на деревню, на свой сарай.

Он не увидел, конечно, и не услышал из-за большого расстояния, что Антонида во весь голос плачет, а Иван вытирает рукавом глаза.

* * *

Поначалу стая приняла нового молодого волка насто-роженно. Он появился неизвестно откуда и от него пахло человеческим жилищем. И самим Человеком. Поэтому первое время волки запрещали ему общать-

ся с членами стаи. Какое-то время Белоушко был изгоем. Волки изучали, как он себя поведёт.

Но пришелец настолько наскучался по сородичам за месяцы своего сиротства, с таким откровенным желанием пришёл к ним и так был искренне дружелюбен со всеми, что Вожак сам подошёл к нему однажды, постоял над ним, распластавшимся в покорной позе, и лизнул его в голову.

Это означало для всех: это свой! Он будет жить с нами!

И Белоушко старался как мог. Вместе со стаей загонял зайцев, лис и лосей, был на подмоге, когда волки нападали на деревенский домашний скот и на собак.

В стае ему нравилось, здесь царил порядок. Все волки беспрекословно подчинялись Вожаку и его самке. Они наказывали провинившихся, но Белоушко никогда не был среди наказанных, потому, что всегда исполнял то, что от него требовалось, неукоснительно соблюдал стайную дисциплину, поддерживал сложившуюся среди волков иерархию.

Почему-то его невзлюбил один молодой, но сильный волк по имени Ловкий, который был годом старше Белоушка. Удачливый, гордый и статный, он и в периоды волчьего гона, несмотря на свою молодость, не знал себе равных и успешно сражался за самок с матёрыми членами семьи. Может быть, потому, что подруга Белоушка — длинноногая молодая волчица Гордячка с самого начала слишком уж ласково стала относиться к нему и открыто де-

монстрировала привязанность к новичку. При всяком удобном случае она оказывала ему знаки внимания, нежно трепала загривок и ласково лизала морду. Серо-зелёные глаза её в такие минуты излучали любовь. Белоушко относился к таким ласкам добродушно, но ответных чувств не выражал, потому что откровенно боялся Ловкого. Тот неусыпно и ревниво наблюдал за всеми движениями Белоушка и злобно рычал, когда он начинал приближаться к Гордячке.

В те времена Белоушко был совсем ещё слаб и молод, чтобы вступать в схватку с двухгодовалым, сильным и уже опытным драчуном.

А Ловкий однажды неожиданно напал на Белоушка, хотя тот ни в чём перед ним не провинился. Просто напал и всё. Наверное, он хотел предупредить совсем ещё молодого волка, что у того совсем нет никаких шансов по отношению к красавице Гордячке. И сильно покусал Белоушка. Тот потом долго страдал от боли и несправедливости. Передвигаясь по лесным просторам вместе со стайей, он с трудом сдерживал стоны. Особенно болели кости ног, которые Ловкий сильно искусал своими острыми клыками. Ему оставалось лишь терпеть унижения от Ловкого: Белоушко в прямой схватке с ним несомненно проиграл бы сейчас, а может быть и погиб.

Подходила к концу зима, с деревьев потекла вода и застучали первые капли. Волчья стая пережила зиму с трудом. Не обошлось без потерь: двух молодых самцов убили

охотники на привадах, ещё один погиб в деревне, когда люди выстрелили в волка, задравшего домашнего пса.

Но в целом стая из девяти волков пережила суровую зиму довольно сносно. Белоушко тоже выдержал все испытания и остался жив.

* * *

Лето и осень — благостные сезоны для волков. Кругом обилие всяческой еды. Сначала — кладки яиц боровой дичи — уток, гусей и лебедей. Волки быстро находят хорошо спрятанные в лесных зарослях, в чащобных канабрах гнёзда глухарей, тетеревов, рябчиков. Хорошо умеют разыскивать и подкрадываться к сидящим на яйцах самкам и, как правило, съедают их вместе с яйцами. Лесные птицы не в силах оказать крупным хищникам хотя бы малейшее сопротивление, поэтому обречены на гибель.

Так устроен лесной мир.

Единственно, кто среди птиц может сразиться с молодым волком — это лебеди. Они бьются насмерть, защищая своё гнездо и птенцов. Эти сильные, решительные птицы обладают сокрушительным ударом мощного клюва и крыльев. Прямой удар в нос — и любой волк теряет сознание.

Самая лёгкая добыча для волков в первую половину лета — лесной молодняк. Поэтому в летнюю благодатную пору волки сыты и в редких случаях нападают на пасущийся домашний скот — овец, коз, телят и те, будто зная это, уходят далеко от пастбищ, забредают в дальние лес-

ные углы, разгуливают по тенистым кулигам, где растёт самая сочная и густая, душистая трава.

Благодаря урокам, преподанным матерью, Белоушко с первых месяцев своей жизни приобрёл надёжные навыки борьбы за существование. Давно уже умел он охотиться на зайчат и на самих зайцев, молодых и взрослых лесных птиц, подкарауливать и внезапно нападать на кабанят. Те обычно разбредаются по кустам вокруг своей матери-свиньи и бесшумно шумят, хрюкают, дерутся. Белоушко научился устраивать засады на пути их движения. Он залегал на дальнем расстоянии от выводка, в предполагаемой точке подхода свињи со своими детёнышами...

Когда стая приближается, какой-нибудь любопытный поросёнок в поисках свежего, сладкого корешка обязательно просовывает своё рыльце с пяточковым носиком в его куст. И вот тут нельзя оплошать. Мать-кабаниха не должна услышать, как взвизгнул её поросёнок в последнюю секунду его жизни, поэтому смертоносная хватка волка должна быть мгновенной. Если свинья что-либо услышит, у молодого волка будет мало шансов остаться в живых, быть не растерзанным страшными кабаньими клыками-ножницами. Кабанья мать чрезвычайно свирепа и защищает своих детей до конца, невзирая на любую опасность. Ещё хуже, если поблизости от стаи окажется глава семейства — секач. Этот убивает всех, кто стоит на его дороге или тех, кто напал на его стаю.

И вот минула она, и эта новая

золотая тёплая пора. Опять холодными сквозняками поползли между деревьев промозглые ночные ветра — предвестники угрюмой осени. Украдкой, словно тёмные тати, крались они по нагретой за летнюю пору земле и исподтишка охладили её, остужали... А вот, совсем обнаглевшие, начали кидать в лесные углы первые горсти снежинок. Те, на первых порах робкие, поначалу превращались в водицу, едва коснувшись не остывшей ещё земли, затем, будто отпрянув от ненужного занятия, осмелели вдруг и раз за разом, снегопад за снегопадом пошли приступом на холодную лесную поверхность. И засыпали её, и покрыли мягкой, ослепительно белой снежной перинкой, теперь уже не тающей.

Так всегда, из года в год, из века в век приходит в леса и доли Матушка-Зима.

Молодого волка Белоушка до сей поры миновали тяжёлые беды и напасти. В стае он не голодал, был удачлив в охоте, в поисках пищи, не был безвозвратно ранен, не получил увечий в суровой волчьей жизни. Его миновали пули и картечь охотников.

Но для него, как и для всей стаи, наступающие холода вновь ненесли ничего радостного: волки всегда тяжело, с напряжением всех сил переносят зиму. Стая готовилась к холодам: искала и обживала новые таёжные крепи, рыла лазы и норы в глухомани, где можно было бы укрыться в моменты смертельной опасности.

Белоушко укрепил свои позиции в стае. Члены её ровно и уважительно к нему относились, потому что он всегда и всем демонстрировал дружелюбие и готовность прийти на помощь.

Но прежний враг у него остался. Это был Ловкий, взматеревший и сильный молодой волк. Он неизменно ревновал Белоушка к юной волчице Гордячке, которая проявляла к тому откровенную нежность. И Ловкий в отместку постоянно старался унижить его перед стаей, неожиданно напугать, рыкнуть, укусить.

Белоушко терпел: он был более молод, а в стае молодяку так надлежит себя вести.

С наступившими холодами, метелями и морозами пришли опять холодные и голодные времена. Это заставило волчью стаю много передвигаться в поисках пропитания.

* * *

Лосиная семья уходила от волков. Самец вёл лосиху и сына-лосёнка по краю длинного мха в самый дальний его конец. Туда, где путь пересекает река. Вода — извечное спасение лосей от волков. Те, коротконогие, не в силах противостоять длинноногим лосям. Там, где лось крепко стоит на дне, волк барахтается на глубине. В этих условиях лосям легче притапливать копытами волков и держать их на глубине, пока те не перестанут дышать и не превратятся в обыкновенные куски мяса, обтянутые шкурой, которых, бездвиженных, затем уносит прочь течение.

В это время начала зимы все реки

уже стояли, покрытые прочной коркой льда. Но отец лосиного семейства знал, что там, за краем болота, река ускоряет своё течение, там речной пережат. Лёд схватывает его лишь в самые лютые времена середины зимы. А сейчас через неё можно перескочить и уйти от волков.

Оставалось совсем немного до спасительной воды, когда самый быстрый волк с белым ухом вклинился между лосихой и лосёнком. Детёныш от испуга отпрянул в сторону. Лосиха ринулась было ему на помощь, но тут на неё с оскаленными пастями накинута сразу несколько волков. Они оттеснили её в сторону, и скачущий по снегу лосёнок остался один. Его догнал тот, белоухий волк, сделал мощный прыжок и прямо на бегу вцепился в горло, повис на шее. Лосиный детёныш под грузом небольшого волка замедлил бег, и на него смертельной лавиной ринулись остальные...

И вся стая сгрудилась около своей добычи. Снег около туши лосёнка окрасился в красный цвет...

Не вся лосиная семья добежала до спасительной реки.

Всем лосям, живущим в лесах Онежского полуострова, было особенно беспокойно в эту зиму. Много развелось волков, которые, объединившись в дружные команды, лютовали повсеместно и во многих глухих урочищах оставили следы своих пиршеств.

* * *

Январская ночь была самой обычной. С северо-востока задувал

несильный, но ледяной ветерок. На чистом чёрном небе невинно помаргивали ясными светлыми глазами мелкие звёздочки.

Деревня умиротворённо спала.

Изредка, то ли спросонок, то ли потревоженная каким-либо случайным звуком, взбалмошно взлаивала какая-нибудь глупая собачонка. И опять дома и улицы покрывались мягкой дремотной тишиной.

Вдруг в эту сонную, размытую над деревней тихую зимнюю благодать ворвалась, вклинилась страшная суматоха.

Со всех концов в деревню, словно банда отчаянных разбойников, ворвались волки. Целью их нападения были конечно же не люди — серые хищники остерегаются на них нападать. Они пришли сюда за собаками, вечными их ненавистными врагами. Те, которые при их появлении открыли оглашенный лай, те первыми и попали под волчьи зубы.

Волки загрызали их на улицах, между домов, в собачьих будках, вытаскивали из-под домов. Хватали на бегу, наседали и перегрызали загривки и позвоночники. Ни одна собака не смогла оказать даже малого сопротивления: разве может деревенская пустилайка противостоять более сильному, ловкому и умелому лесному бойцу, способному заваливать и кабана, и лося, и молодого быка.

Один хозяин породистой лайки, услышав её до смерти перепуганный плач, выскочил в исподнем на крыльцо, но не успел спасти свою красавицу. Прямо на крыльце, у него на глазах, её задушил огромный волчара

и уволок от дома в лесные ухороны.

И лесная, и деревенская живность сильно пострадали в тот год от волчьей напасти.

* * *

Главный охотовед района Терещенко был краток:

— Чего вы тут посиживаете, умники! Волки уж весь лес обчистили, скоро ни зверя, ни птичины не оставят! А это же всё объекты нашей с вами охоты! Чё спите-то, мужики? Али желаете, чтобы серый гад скотину из ваших же дворов повыдергал?

Он, задёрганный партхозактивами и исполкомовскими проработками на тему об его охотоведческом «недостаточно активном участии в сокращении поголовья волчьего стада», приехал в деревню со всем своим штабом, собрал охотничий актив близлежащих населённых пунктов и стоял сейчас в клубе за трибуной. Перед ним заманчиво поблёскивали тусклыми гранями полунаполненный графин и пустой стакан.

— В деревнях беспрепятственно лютуют обнаглевшие хищники, самолучших собак пожрали, засранцы, а охотнички, мать вас всех за ногу, спят преспокойно в постельках своих!

Терещенко всё же не удержался, быстро налил в стакан желанную влагу и большими глотками выпил.

— А чё делать с имя, Никанорыч? — мрачно поинтересовался вечно хмурый лучший волчатник и медвежатник Некрасов. — Оне тебе не зайчатки небось, их хрен возьмёшь

чичас, в ету пору!

— А я к вам зачем приехал сюда, скажите мне на милость? — с удвоенной крепостью в голосе прогремел с трибуны Терещенко. — Потому и приехал, чтобы, значит, и организовать истребление волчьей породы на вверенной вам территории.

Мужики стали интересоваться, как, да чего?

— Флажки я привёз, — авторитетно заявил охотничий руководитель, — по-научному будем, так сказать, работать.

В воскресный день десяток добрых охотников, среди которых, конечно же, оказался и Иван, как опытный добытчик, с самого спозаранку выдвинулся в район возможного нахождения волчьей стаи. О районе этом, называемом издревле Шоровыми Угорьями, ходила нехорошая молва. Был он лесист и чёрен и возвышался над окружающей местностью угрюмыми, горбатыми холмами, густо обросшими толстым, корявым ельником. Ни одной лесины не ушло отсюда на полезное дело — на деревенскую стройку. Из кривых ёлок дома не строят. Да и просто, по какой-нибудь другой хозяйской надобности сельский народ совсем редко забредает в эти места. Нелюдимо тут и боязно. А тем более, с осени грибники и рыбаки слышали в тех местах волчий вой.

— Там должны быть лёжки ихние! — решил Некрасов. И все с ним согласились.

Туда и пошли. Километра за полтора до Угорьев основная группа расселась под ёлками и затихла. Ни

разговоров, ни курева. Терещенко, считай, перед каждым носом, повертел немалым кулачищем. Ходил от охотника к охотнику, тихо-тихо похрустывая своими валенками по мягкому снежку и приговаривал: «Расквашу самолично, ежели чего...»

Только зря он это... Никто и не собирался бедокурить в такой обстановке.

А два молодых и лёгких на ногу лыжника сделали круг, обежали Шоровы Угорья, где кой-какой народец встречал уже ненароком волчьи лёжки. И нашли они входные звериные следы вовнутрь этого круга. Как и положено — туда вела тропа, натопанная многими волчьими лапами — волчья тропа! Выходных следов по всей окружности лыжни разведчики не обнаружили. Значит, зверь там, внутри! Лежит-полёживает...

Охотники обошли вокруг Угорьев и развесили по кустам капроновую нить, на которой через каждые два с половиной метра покачивались ярко-красные флажки.

Терещенко собрал у оклада всех, и они с Некрасовым пошли с двух сторон вдоль флажков расставлять номера. Иван, как надёжный, проверенный стрелок был поставлен на входном следе. Тут волки зашли в оклад. Все знали, что любой зверь в моменты опасности уходит от неё по своим же следам, поэтому с большой долей вероятности здесь волки и будут стремиться прорваться через флажки. Именно здесь!

Иван стоял и ёжился от мороза. Ветерок, вроде бы несильный, гулял

по ельнику, покачивал хвою. Гулял он и по Ивану, и скоро начал принимать нехитрую Иванову одёжку: свитерок, да фуфайку, да две пары тонких штанов, напряленных друг на друга. Иван потихоньку околевал, стоял он за заснеженной ёлкой и отчаянно ругал самого себя — за такую вот полоротость. С какой-то стати он заспешил-заторопился, чтобы не подвести приезжее начальство, да вот и выскочил в лес считай, что голым. Как салажонок какой...

В дальнем конце оклада запустывали, наконец, палками о стволы деревьев. Пошёл загон... И голоса самих загонщиков, сначала трудноразличимые из-за ветерка, посвистывающего в верхушках деревьев и разбрасывающего по сторонам лесные звуки, становились всё отчётливее, приближались.

«Серые, верно что, на ногах уже, встрепенулись, шельмы, мечутся чичас... Прибегут скоро», — размышлял Иван. Он тоже встревожился и напрягся в предвкушении наплыва охотничьего азарта, который всегда посещал его в острые моменты охоты. Выпрямился, держа ружьё наизготовку, застрелял тревожно глазами по стоящим впереди деревьям, по снежным прогалам между ними, стелящимся вдаль. Вглядывался он в окружающий лес, вслушивался, не прошуршат ли где лапinya ёлок, не упадёт ли с веток снег от толчка пробегающего волка?

Всё было тихо.

Иван стоял, как и подобает, неподвижно, но бегала по телу его, как и подобает, мелкая-мелкая дрожь —

и от холода, и от охотничьего перевозбуждения, да, что там говорить — и от страха. Страх тоже был: не шутка ведь — волки на тебя сейчас пойдут... А ружьё в такой холод может и не сработать.

Там, впереди, прокричала протяжно сойка — лесная сорока, вечная предательница зверья. Она-то, как всегда, и подаёт верный сигнал охотнику, что пробирается по лесу какой-то хищник, и пора быть наизготовку. Сидит над ним, крадущимся по лесу, и обязательно уж прокричит что-то предательское, выдающее его с потрохами.

Иван насторожился, выпрямился во весь рост и, приложив приклад к плечу, повернулся прямо туда, где кричала птица.

И почти сразу из-за ёлки, что стояла в тридцати шагах, вышел волк. Не крупный, средних размеров, он сразу увидел флажки, растянутые перед Иваном, остановился, задрал голову, вытянулся. Резко выделялся на снежной белизне чёрно-серым пятном.

Иван выстрелил в него. Волк подпрыгнул, потом завалился на бок и затих: выстрел был метким.

«Есть один!» — обрадовался Печурин. Но не пошёл к убитому волку. Старый, суровый, но правильный закон загонной охоты говорит, что ходить по загону не надо — напарники знают, где ты стоишь, и никогда в твою сторону не выстрелят, но, если с места сойдёшь и начнёшь разгуливать, с тобой может произойти всё, что угодно. Всякое бывало на загонных охотах... Да и запах свой разно-

сить по лесу не надо...

А загон пройдёт через тебя — тогда и гуляй как хочешь.

Справа, где-то вдоль флажков, стукнул дуплет.

«Наверное, ещё взяли», размышлял Иван, перезаряжая свою двухстволку.

Он постоял, разглядывая издали убитого волка, так и сяк разворачивая в уме цифру премии, за него полагающуюся.

«Может, и хватит на обновку для дочуры, на сапоги ети, едри их... Давно клянит... Хватит, должно быть...»

И тут справа из-за деревьев показались сразу два волка. Впереди идущий был покрупнее заднего. Поджав хвосты, настороженно вглядываясь в окружающее пространство, они шли вдоль флажков, разглядывали их... Видно, что хотели вырваться из западни, в которой оказались. Волки рыскали по кустам, по лесу, передвигались перебежками и трусцой. Путь на волю перекрывали эти непонятные, невесть откуда взявшиеся, болтающиеся на ветру предметы, опасные своей неизвестностью — в лесу таких нет!

Они искали выход и не решались пересечь линию флажков.

Впереди идущий волк вдруг остановился и поглядел на Ивана, уже поднявшего ружьё. И вдруг сам шагнул в его сторону, но тут же остановился. Печурин, едва не успевший нажать на спусковой крючок, в последний момент разглядел какое-то белое пятно на волчьей голове.

Белое ухо! Это же был Белоушко!

Их с Антониной волк!

— Белоушко, брат ты мой! Надо же! — гортанным шёпотом прохрипел Иван. Он сообразил, чего надо делать.

Он кинулся к флажкам, посрывал с веток капроновый шнур, уронил его на снег вместе с красными четырёхугольниками. Сорвал шнур и со второго куста и с третьего... Он метался и быстро затапывал флажки в снег. А волки стояли и смотрели на него. Только тот, который был позади, немножко отпрянул и настороженно-опасливо разглядывал Ивана, следил за его действиями. Этот волк, по всей видимости, очень боялся человека. А первый не боялся: он долго прожил в человеческом жилище. Он знал Ивана в лицо.

Печурин сделал для волков проход в линии флажков. Сам отошёл в сторонку.

Белоушко постоял, слегка покачиваясь вперёд-назад, как бы решаясь на то, чтобы сделать шаг. Потом решился. Он сделал его, а затем стремительно прыгнул вперёд в построенный Иваном коридор. В коридор Свободы! Его напарник, шедший позади, прыгнул за ним.

Иван Печурин стоял и глядел вослед убегающим вдаль волкам.

А в загоне вовсю гремели выстрелы. Там шла охота.

Он долго, пока не вышли загонщики, зачищал следы своего «преступления». Повесил опять на ветки флажки, замёл можжевельной веткой следы, чтобы не было видно, как он сбрасывал с кустов шнур с флажками.

Когда снимались номера, никто

этого не заметил. Спросили только, как это он, такой опытный охотник, упустил из оклада двух волков? Следы-то их не спрячешь.

— Да не поспел я, — сокрушённо сказывал Иван на ходу придуманную леденящую душу историю. — Они, черти, как выскочили из ивняка, да прямо на меня и лупанули. Упал со страху... Через меня скаканули, сволота! А опосля и через флажки, одним махом. Чего им, как кони оне, здоровенны... Хорошо, не загрызли... А чего им с такими-то мордами! Морды-то у их — во-о! Могли бы и загрызть, раз плюнуть...

И Иван распахивал ладони намного шире своей физиономии. Получалось, что волки с такими страшными мордами были в самом деле кровожадны и опасны. И добрый охотник Иван, подвергшийся нападению хищников, заслуживал всяческого уважения.

Канторский работник — колхозный бухгалтер Прибыткин, стоявший на соседнем номере, потом, уже в деревне, сильно возбуждался, когда рассказывал об этих двух волках:

— Первый-то, молодой, видно, уж больно наглый: из-за сосенки выскочил, да прямо на меня, как людоед какой, человека не боится, засранец! Чуть с ног не сбил, я и оплошал, потому и стрелял кое-как с перепугу, промазал.

— Не откусил он тебе ничего, когда мимо скакал, близёхонько ты его подпустил? — зубоскалили женочки.

Односельчане не могли знать, что промелькнувший рядом с Притыкиным волк действительно мало боял-

ся человека, ведь он рос рядом с ним.

Это и спасло Белоушке жизнь. Бежал бы он в отдалении, бухгалтер легко бы убил его.

* * *

Антонида была рада. Ой, как рада!

— Ушко-то бело у его? Дак значит, он это, он! Белоушко наш!

И интересовалась у Ивана, как выглядит волчок, выращенный ими? Не исхудал ли?

— Живой он, живой! Слава Те, Господи! — ходила она вокруг мужа и всё выспрашивала, всё интересовалась...

Женщина — она и есть женщина. Хлопотуньи они, все как есть.

— А другой-то волк, которой ростиком поменьше, тот, наверно, самка будет, сука то есть, волчица она, — взволнованно рассуждал Иван, значит, дружат оне. Пара то есть... Ндак, и хорошо ето ведь. Вдвоём-то легче в лесу...

Антонида тему эту горячо подерживала и в своих мыслях шла дальше:

— Дак, они так и шшеняток нарождают, волчаточков, хорошо ведь...

Время от времени она прерывала беседу и куксилась, доставала из кармашка сарафана платочек и промокала глаза — слёзы у неё и в радости, и в печали были всегда готовы выкатиться из её зелёных глаз. Сейчас это были счастливые слёзки:

— Хоть бы уж пришёл к нам, да показался, каков он есть? Не чужой,

всяко. Мы же скучам...

А Иван ей сказал:

— Ладно тебе! Чё он, маленькой какой? Всяко вырос уж, сам теперь знат, как, да чего. Не пропадёт без нас. И не один он нонеча, вишь, полюбовница у его появилась. В рост пошёл зверёк наш...

* * *

Из всей стаи после той охоты остались в живых только три волка: Ловкий, Белоушко и молодая волчица Гордячка.

Ловкий, прижатый загонщиками к флажкам, в последний момент в отчаянии перемахнул через страшную для волков линию, через человеческие следы, идущие вдоль них, и ушёл в лес. Вскоре он отыскал Белоушка и Гордячку и присоединился к ним.

С этого момента для Белоушка настали чёрные времена. Ловкий на правах старшего не подпускал его к Гордячке, хотя та сама стремилась к нему и, когда они хотя бы ненадолго оставались одни, нежно прижималась к нему и ласкалась. Гордячка искренне любила его. Но появлялся Ловкий, и всё начиналось сначала. Он был на год старше Белоушка, поэтому бесцеремонно оттеснял его от самки и при первой же, даже нечаянной попытке того приблизиться к ней, страшно скалил зубы и демонстрировал готовность вцепиться в него своими крепкими клыками.

Приближался месяц март, время гона — волчьей любви. Молодая волчица долго не подавала признаков желанья спариться. С любовными притязаниями к ней приставал

Ловкий, но гордячка отвергала его и скалила зубы при его приближении. В такие моменты она подбегала к Белоушке, но на него тут же кидался Ловкий, и Белоушко отступал, прижимая хвост.

Но однажды произошло то, что и должно было произойти. Ловкий решил овладеть Гордячкой силой и прыгнул на неё, подмял под себя. Волчица жалобно закричала и сделала судорожную попытку вырваться. Ловкий схватил её зубами за загривок и прижал к земле, причинив немалую боль. Гордячка закричала ещё сильнее и по-звериному заплакала, всхлипывая и завывая.

Белоушко не в силах оказался вынести страдания подруги. Он сделал два больших прыжка и вцепился зубами в шею ненавистного противника. Тот не ожидал, что более молодой, а значит — беспрекословно подчинённый ему волк, вдруг окажется столь яростное сопротивление. Он не учёл, что Белоушко, несмотря на молодость, сильно окреп в постоянной борьбе за существование. Мышцы его затвердели, челюсти налились силой, а клыки и зубы приобрели стальную мощь. Белоушко уже сильно вырос, вытянулся в высокого и мощного зверя.

Кроме того, он очень любил свою Гордячку, а в Природе всегда так: любовь самца к самке удваивает его силы. Тем более, что этой схватке он был прав, потому что сражался за свою любовь и за свою правду.

Ловкий извернулся и попытался вцепиться в горло Белоушка, но тот успел перенести удар своих челю-

стей на основание уха Ловкого и вцепился в него мёртвой хваткой, стиснул клыки и держал так их и держал, несмотря на то, что Ловкий мощно выворачивал своё тело, при этом страшно и громко выл. Он тряс головой, извивался и царапал когтями бока Белоушка, визжал от страшной боли, но поделаться ничего не мог. Он лишь слышал треск своих рвущихся хрящей сквозь овладевшие телом смертельные судороги, ощущал, как выворачивается набок изломанное ухо. Тело его изнемогло в борьбе с преобладающей ловкостью молодого, безжалостного бойца... Наконец силы его почти совсем оставили его.

В этот момент Белоушко завалил соперника на бок и перебрросил хватку челюстей на горло Ловкого, перевернул его на спину, начал душить.

Ловкий захрипел, из пасти его начала вырываться кровавая пена..

Вскоре он затих.

Белоушко не сразу разжал челюсти. Он дождался, когда у поверженного врага перестанет течь по жилам кровь. Волки умеют чувствовать это, убивая своих жертв.

Потом он отпрянул и долго стоял рядом, покачиваясь от усталости, пристально вглядываясь во врага: не шевелится ли он, не осталось ли признаков жизни?

Наконец, он медленно подошёл к своей волчице. И ноги его подкосились, он упал рядом с ней. Лежал на боку, тяжело и часто дышал.

А жена его, Гордячка, вылизывала его израненный в бою бок.

Теперь им никто и никогда не станет мешать любить друг друга.

Иван с утра снарядился идти в лес. Зашёл сперва на поветь, забрал прислонённые к стене лыжи, снял с гвоздя рюкзак, в котором, как всегда, находились приготовленные загодя для лесных походов вещи: тёплое бельё на случай, ежели доведётся промокнуть, запасные портянки, тёплые рукавицы, пара коробков спичек, аккуратно свёрнутый полиэтиленовый мешок под добычу... Положил туда же матерчатый мешочек с едой на день охоты — два бутерброда со сливочным маслом, банку тушёнки, бутылку молока. И вышел на крыльцо.

То, что он увидел, поразило его до глубины души. Прямо перед ним, за порогом, лежал крупный заяц-беляк. Был он будто бы живой, только на шее красными жирными точками атели капельки застывшей крови.

Иван постоял, ничего не понимая. Откуда взялся на его крыльце этот здоровенный косой? Кто его сюда положил? Сам же он не прискакал сюда, такой мёртвенький!

— Тоня! — позвал он громко. — Антонида!

— Чево там, чево? — откликнулась жена из глубины кухни.

— Подь-ко сюды, не пойму я тут ничево!

Антонида пришла, завсплескивала руками, зайкала. Они стояли и удивлялись невесть откуда взявшемуся трофею. Может, кто-то подложил, или пошутил, может быть, дохлятина? Иван поднял зайца и всего обнюхал.

— Свежак! — заключил он автори-

тетно. — Сегодня затряхнул кто-то.

Он повернул к жене недоумённое лицо:

— Нам то принесли зачем? Хотя спасибо конечно... Тушёнку сделаем...

— Ну-ко, Ваня, посидим с тобой, да покумекам, — предложила жена. Чевой-то тут не то.

Они уселись на ступеньки, поразмышляли. Антонида сомневалась, чтобы кто-нибудь из односельчан взял бы, да и подарил им зайчика — ни с того, ни с сего.

— Все только урвать хотят, а подарков таких ни от кого не дождётся, — говорила она задумчиво.

Поразмышляла она, покачала головой, потом вдруг махнула рукой и сказала решительно:

— А я знаю, кто этот добрый, знаю.

Иван, муж, уставился на неё так, будто встретил вдруг незнакомого и загадочного человека:

— Ну, и кто по-твоему?

Антонида не сказала вслух, она произнесла шёпотом, будто выдала важнейшую государственную тайну. Вполголоса, округлив до невозможности глаза:

— Белоушко это нам притащил, вот кто!

— Как ето, как ето Белоушко? — активно и в то же время радостно засомневался её муж Иван, — не может же такого быть-то! Чё он, сдурел — зайцев нам притаскивать!

Впрочем, ему самому очень хотелось бы, чтобы это случилось именно так. Тем более что Печурин давно зарёкся перечить жене, признавая её железную способность безошибоч-

но, влёт разглядывать истину в любых запутанных делах.

Но тут дело из ряда вон... Причём тут волк? Сам бы сожрал зайца да и всё тут, зачем людям-то тащить?

— Ничего ты не понимаешь, Ваня, — объяснила ему жена. — Белоушко захотел спасибо нам сказать. Вот и притащил бялячка.

— За што благодарить-то? Живём, да и всё, давно уж отпустили его на волюшку.

— А ты забыл, что спас его недавно, из флажков выпустил?

Иван малость призадумался:

— А и в самом деле. Неужто волчик нас мяском порадовал свеженьким за эку малость?

— А ты и не знал! Все животинки спасибо людям сказывают, ежели оне добро дело для их делают. Вон у Серафимовны котик девять мышей на крилечко притащил. Прикусил их, да и склал к ей. Она пришла, а оне в рядок и лежат мышки-то. Благодарность выказал, значит.

— А за что спасибо-то сказал?

— А она лечила его от заразы какой-то, да и вылечила.

— Надо же! Как люди оне...

Посидели они на крылечке, порассуждали. Антонида опять всплакнула:

— Как он там, в леси-то? Холодно ведь ему тамогде, хо-олодно!

Вечером она сварила жаркое из зайца. Ели и нахваливали. Выпили, конечно, по рюмочке, да и не по одной... Антонида, строго следившая за алкогольной диетой мужа после давних молодецких того разгулов, тут раздобрела, рас-

щедрилась:

— Давай-ко, Иванушко, кань ещё в рюмочку, за нашего роднёнького пригубим, чтоб тепло, да хорошо ему жилось там, в леси, чтоб не обидел его никто...

Она промокала краешком подола мокрые глаза и приговаривала:

— Пришёл бы к нам-то, голубеюшко, хоть я бы покормила его, да полюбовалась бы на касатика.

* * *

Прошли три недели. В лесу, на полях и в самой деревне всюду бушевал уже апрель месяц. С утренними морозцами, с настом, каждым днём лежащим на снегах плотной коркой, и с тёплыми ветрами, задувающими с летней стороны. Проклюнулись первые проталины, и лошади в конюшне, и коровы на скотном дворе, почуяв наплыв весны, начали голосить в своих обрыдлых стойлах. Стали требовать отпустить их на свободу, на волю-вольную, к свежей травке зелёной чтобы размять уставшие от долгого стояния ноги. Антонида да Иванова корова Побрякушка тоже время от времени трубно мычала и громко переступала, нарочито сильно стуча по настилу копытами.

Сена по весне всегда не хватало, сколько ни заготовляй: Антонида не жалела его для нежно любимой Побрякушки. Они с ней ходили в подружках, только что не обнимались, а так — дружба полная. Снег подтаял и обнажил основание сенного зарода, что стоял на краю огорода. Иван пошёл к нему проверить, не вытаял ли пук-другой сена — всё для коро-

вёнки сгодится. Точно, вытаял! Сено в зароде закончилось, когда снега было ещё много, остатки убирали прямо из сугроба и, как оказалось, под снегом сохранилось благошко сена — на целых две охапки. Иван нагрёб грабельками сенную захватку, обнял её и шагнул к хлеву.

И замер.

Услыхал он злобный лай двух деревенских собачонок. Увидел одну, выбежавшую на поле, которое одним боком касалось деревни, а другой стороной уходило к лесу. Собака аж подпрыгивала в злобе, глядя куда-то в даль. Но бежать туда не топилась.

Посреди поля стояли два волка и глядели на деревню.

— Тоня! — закричал Иван. — Антонида!

В окошке избы белым пятном обозначилось лицо жены.

— Поглядь-ко, поглядь! — Иван лицом своим показывал ей направление, куда надо смотреть — руки-то были заняты.

Та быстренько отлипла от стекла и в накинутой на плечи фуфайке, в пимах на босу ногу, выскочила на улицу. Оба — муж и жена — стали вглядываться в серые фигуры зверей, стоящих на поле и отчего-то не убегающих, хотя лаяли собаки и расхаживали по деревне люди.

Антонида долго вглядываться не стала:

— Наш, это же наш Белоушко! — закричала она и бросилась в своих пимах туда, в поле, к волкам. Она будто не замечала, что пимы её — тапочки — черпают всюду снег, что бо-

сые ноги просто облеплены мокрым весенним снегом. И, что фуфайка давно свалилась с плеч, и она бежит в одном сарафане с развевающимся на ветру фартуком. Она осознала только, что бежит к своему волку, которого полюбила искренне и который тоже её крепко любит.

Что было делать Ивану Печурину в этот момент, её мужу? Он тоже побежал.

Волки стояли, высоко подняв головы, будто ожидая людей, к которым они пришли. У одного из них ухо было белое.

Когда Иван и Антонида приблизились довольно близко — метров на шестьдесят, волки отпрянули назад, отбежали немного и опять остановились. Они как будто предупреждали, что ближе к ним приближаться нельзя. И опять стали внимательно смотреть на людей, высоко и гордо подняв головы.

Супруги тоже остановились, стояли и тяжело дышали. Глядели друг на друга.

— Белоушко, родненький ты мой! Не убегай ты от меня ради Христа. Тяжело мне за тобой бегать. Постой, дай глянуть на тебя! Люблю ведь я тебя, сам это знашь. А я полюбоваться на тебя хочу, давно не видала, дак и соскучилась я.

Постояли, помолчали. Волки не уходили.

— Чего-то они хотят, — сказал Иван, — не просто же так пришли.

— Чую я, прошшаются оне с нами. Уходят, наверно, насовсем уходят. Пришли досвиданье попросить.

Сказала так и заплакала. Стояла

и вытирала глаза рукавом сарафана.

А волки с минуту ещё постояли, развернулись к лесу и побежали туда трусой. Впереди Белоушко, за ним — его волчица Гордячка.

На обратную дорогу Иван снял со своих ног шерстяные носки и натянул их на заочевенные, красные ноги жены, на плечи накиннул свою куртку. Весь путь домой Антонида проплакала.

А иногда, как это бывает у женщин, смахивала с лица слёзы и вдруг говорила вполне радостно:

— А эта-та, подружка-та евонная, она с им, с нашим голубеушком! Не уходит! Страшно ей перед людьми стоять, а не уходит! Значит, любовь промежду имя!

Она всплёскивала руками и сказывала с большим убеждением:

— Ну, а наш-то ей шшеночков-то и настрога-ат!

И улыбаясь, и вновь пуская слезу, она звонко щебетала всю обратную дорогу.

А Иван брёл унылый и потерянный. Он почему-то осознал, что больше никогда уже не увидит волка, который стал для него таким близким.

Дороже любой собаки.

Прошли два года. В урочищах огромного таёжного Мяндозера, спрятавшегося от людей в самой центровине Онежского полуострова, что на Белом море, давно уже обосновалась и живёт волчья стая. Входящие в стаю волки безраздельно господствуют на всём Летнем берегу.

Они очень хитры и осторожны, эти волки. Совершив очередной набег, захватив добычу, они тут же уходят в свои тайные, скрытые от человеческих глаз лежбища. Никто не может выследить их, разыскать места обитания. Волки будто растворены в никому не ведомых пределах тёмных лесов, окраинах болот, между овражистых склонов чащобных логов.

Эта стая — неотделимая часть сокровенных, древних лесов. Она никому не видна ни со стороны, ни с воздуха. Как будто её и нет.

Но она есть. Стая живёт и с каждым годом становится всё сильнее и опытнее. Все волки приморских регионов слышаны о ней. И все хотят в неё попасть. Но мало кому это удаётся, потому что в неё принимаются самые сильные и самые хитрые.

Стая неуязвима, ведь её вожаком является прошедший все возможные

испытания, победивший всех своих врагов матёрый волк с белым ухом. Он знает повадки людей и всех зверей. Он любит Лес, и Лес любит его.

Этот вожак непобедим.

Посреди холодных и прозрачных зимних ночей он сидит на своём холме, окружённом старыми деревьями, глядит в звёздное небо и поёт небу и Лесу свои длинные песни.

Эти песни про то, как он любит и помнит потерянных в далёкой юности своего отца, тоже Вожака, и свою мать — Волчицу, родивших его и научивших преодолевать трудности. В этих песнях поётся о том, как он предан своему Лесу, о нерасторжимой любви к братьям своим и сёстрам — волкам.

И над Белоушком, как во все века над волками, бродит по звёздному небу Большая Медведица и похрустывает звёздной крошкой.